

Кира Щукина

БЕЛЫЙ ПАВЛИН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Кира Александровна Щукина

Белый павлин

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28740895

SelfPub; 2018

Аннотация

Три женщины, три голоса, три судьбы. Бабушка, мать и дочь. И, по извечной российской традиции, мужчины, которые уходят и не возвращаются, будь то отцы или возлюбленные. Прошлое смешивается с настоящим, довоенный Ленинград просвечивает сквозь современный Питер, и медленно, завораживающе, словно пышный хвост белого павлина, разворачиваются перед читателем воспоминания о том, что уже было, и мечты о том, что могло бы быть – но будет ли?

Содержит нецензурную брань.

Все персонажи являются вымышленными и любое совпадение с реально живущими или жившими людьми случайно.

– Ну и когда ты уезжаешь?

– Через неделю.

– И куда? Я забыла.

– В Чехию, мама.

– И где я буду жить?

– Я же тебе говорила, ты будешь жить у Любы.

– Я не жила у Любы. Все прошлое лето я жила у Маргариты.

– Мама. Прошлым летом ты жила у Маргариты неделю.

– Нет! Я прожила у Маргариты все лето!

– Когда я уезжала прошлым летом, ты жила у Любы. Месяц жила у Любы.

Сашуня поджимает губы и не верит.

– Сашуня, ты прошлым летом жила у меня.

– Ну может быть... А где я буду жить у тебя?

– На лестнице будешь жить. Или в подвале. Хочешь, будешь жить в подвале?

– Не говори ерунды!

– На чердаке еще можно. Я отдельный лифт проведу. С восьмого этажа в подвал. Буду тебе еду в мисочке спускать.

– Хватит трепаться. Я уеду в Пушкин.

– И что ты там будешь делать?

– Ну как что? С Надькой буду в рынок ходить. И на концерты.

– Сашуня, я вывезла из твоей квартиры все. Там ничего нет. Ни постельного белья, ни посуды, ничего.

– Ну и что!

– Я не повезу все это обратно, понимаешь? И у меня там люди живут.

– Выгонишь.

– Ну конечно. Я на месяц их выгоню, а где я потом новых жильцов найду, а?

– Или пойду жить к этой... Как ее...

– К Евгении Петровне? Мама, ну как ты к ней пойдешь, если ты даже имени ее не помнишь?

– Свекровь моя предлагала пожить на даче.

– Я с твоей Марьиванной на даче жить не буду!

– Она не Марьиванна, а Валентина Николаевна! И я не предлагаю тебе жить на даче. Меня беспокоят вопросы эвакуации. Я жить на даче не хочу. Я ж там свихнусь в этом прекрасном обществе.

– Да я сама с тобой жить не хочу.

– Начинается. Не хочешь – не надо. Пойдешь в подвал.

– Марта, а когда ты уезжаешь?

– Через неделю, мама.

– А куда?

– Мама, я тебе говорила об этом пять минут назад. Я уезжаю в Чехию. К Машеньке и Виталию.

– А где я буду жить?

***

Здравствуй, мама!

Так тяжело писать письма, я так неожиданно отвыкла. Бесконечная деловая переписка и бесконечно думаешь о стиле. А не слишком ли фривольно? А не слишком ли грубо?

Как у тебя дела? Как вы там отдыхаете – не отдыхаете?

Мы живем хорошо, и новостей у нас практически нет. Я иногда хожу на работу, иногда гуляю с бабушкой. Она ведет себя хорошо – ну, насколько это возможно. Идти с ней по улице – потрясающее ощущение. Она хаёт всех. Посмотри, какой он толстый! А эта – корова! и ножки тоненькие. А живот какой у него огромный! А эта – вырядилась! А ноги-то кривые! Невозможно. Немыслимо. И только собаки и маленькие дети ей нравятся. Посмотри – как куколка! – на младенца, которого несут на руках. А у твоего мужа – живот ого-го-го! сообщает она мне. Можно подумать, я не знаю.

Вчера она говорила про кладбище. Ты же обещала меня туда свозить! сказала она. – Ну да. Но тебя же свозила мама! – Ну и что? А цветочки посадить? – Какие цветочки?! ведь сейчас уже август! – А фотографию приклеить? – Вы же приклеили, когда ездили с мамой! – Нет!

Мама, напиши мне, пожалуйста, приклеили вы эту фотографию или нет. Потому что бабушка уверена, что нет. Или

просто не помнит ни черта. А потом она мне сказала: – Вот когда я умру, ты и ко мне на кладбище не придешь! – И я поступила подло, по-свински. Вспомнила все наши разговоры и спросила у нее: – А ты много к своей матери на кладбище ездила? – На этом наша беседа была закончена. Удивительно: деменция, не деменция, любые изменения сознания и восприятия – но человек в этом состоянии точно находит ту точку, в которую нужно ткнуть, чтобы вызвать максимум реакции. Причем безошибочно. Там не помню, здесь не помню, какой день – не знаю, что ела на завтрак – не помню, но куда нажать – находит виртуозно. Я даже в некотором смысле восторгаюсь.

А больше, пожалуй, рассказывать и нечего. Все идет своим чередом. Пиши мне, и не забудь про кладбище.

Целую.

Я.

***

(расшифровка аудиозаписи)

Привет-привет!

Я была страшно рада получить твое письмо. Так здорово! Пусть и не в конверте на бумаге – а в конверте и на бумаге я бы все равно его не смогла прочитать – но здорово. И это моя попытка записать письмо на диктофон – надеюсь, что все получится, и ты сможешь это послушать, хотя мне, ко-

нечно, странно наговаривать вот так текст, получается письмо, а вроде и не письмо. Почему ты не хочешь подключить себе Скайп? Это странно.

Мы гуляем по Чехии – это такой кайф! Чисто, доброжелательно и вкусно. Все время пьем пиво. Тут такое пиво! тебе надо обязательно попробовать! У нас вроде и продают чешское пиво – но это совсем не то. То ли вкус, то ли запах – но нет ощущения кайфа от пива. И ели вепрово колено. Оно громадное! Мы еле осилили. А кнедлики оказались жуткой гадостью. О них столько всего говорили и рассказывали – а оказалась ерунда. Мокрая булка, – и все. Но мы утешились пивом. А потом еще немного погуляли и еще утешились.

Плохо то, что у меня болит нога. А ровных дорог тут нет. Не так, как у нас нет – а просто они все идут то вверх, то вниз. И брусчатка. А трамваи! Они тут носятся, как сумасшедшие! Узкая улочка, он звенит, как бешеный, и летит! И низкая посадка – я могу спокойно в него залезть. А билет называется "езденка". Покупаешь себе езденку – и едешь целый день, где хочешь. Трамваи в Праге носятся как угорелые, каждые пять, семь минут в центре города возникает трамвай. Он несется почти без шума и грохота и звенит. Там, где он виляет по узким улочкам и увидеть его заранее невозможно, он звенит.

Мы гуляли, и – сегодня был хороший день! – я даже что-то могла увидеть. Черепичные крыши, улочки, трамвай этот бешеный. Видимо, потому, что не было солнца, при ярком

солнечном свете ведь ни черта не вижу, а тут такой рассеянный свет, и я смогла разглядеть все это волшебство. Ты же знаешь – мне иногда снятся архитектурные сны. И вот это было как в таком сне. И запахи – вода со Влтавы, и пиво, и колено.

Насчет бабушки. Мы же весной ездили с ней на кладбище и все сделали! И фотографию, и оградку Иваныч три часа красил, надрывался. И цветы она сама купила. Просто совети у нее нет. Как так можно? И спасибо тоже никогда не дождешься. Она же сама там со своим приятелем бегала по кладбищу и договаривалась с работником, чтобы он фотографию приклеил. Триста рублей заплатила. Так что ты не переживай.

Завтра снова пойдем шляться. Нам рассказали, что тут неподалеку есть "замек" – вот попробуем туда съездить, посмотреть. Или не завтра. Или пойдем на лановой драге кататься – это фуникулер так называется.

Пиши, как у тебя там дела и как бабушка себя ведет.

Целую.

Мама.

***

Здравствуй, мама!

У меня времени написать нормальное письмо с подробностями совершенно нет, но тут бабушка хочет сказать тебе

пару слов – вместе с приветами. Она диктует, я записываю. Все, целую.

Дорогая доченька!

Как вы там отдыхаете? Все хорошо?

Я чувствую себя ужасно. Голова болит постоянно, очень тяжело. Мне сказали тут название лекарства от головы, но я забыла, как называется. Говорят, хорошее лекарство.

Сегодня ходили в магазин, купили... купили... не помню, что. Булку и этот... как его... кекс! не московский... столичный! как водка.

Ночью спала плохо, очень душно. И голова все время, голова... прям не знаю, что делать. Помру, наверное, скоро.

Любочка ругается – пора заканчивать.

Целую, доченька!

Отдыхайте там хорошо!

Мама.

***

Коля умер, и теперь они меня перебрасывают, как грушу. Или как мяч. Марта сказала: я тебя заберу. Меня никто и не спрашивал. Два года я жила одна. Или три? Мне нечего рассказать. Марта приезжала, и Любочка, но если бы они переехали ко мне! Но они не хотели. У всех мужья, а у меня мужа нет. Последний год Коля болел. Не жаловался. Я к нему в больницу ходила, когда он лежал. Еду носила, куриный бу-

льон. Он не хотел уже ничего. А последние дни он уже просто лежал. И меня не узнавал. И вот теперь я живу у Марты. То есть Марта куда-то уехала... За границу? Не помню. И я пока у Любочки.

С Колей мы жили хорошо. Марта говорит, что он алкоголик. Все время выдумывает. Пил немного. Как все. Я уезжала, когда он пил. Ну попьет дня три, иногда неделю, зато потом такой ласковый, такой нежный! Ревнивый только. После работы с автобуса встречал. А если я на пятнадцать минут позже приехала: где была? У любовника? Я видел, как он на тебя смотрел! Не ври мне! Все вы, бабы, врете! Я ж хочу, чтоб все по чести по совести! И если мне ехать к Марте – это надо на работе с обеда отпрашиваться, чтобы домой вовремя приехать. У него ж первая жена гуляла, потому с ней и развелся. И даже с сыном потом не встречался. Любочку только любил, она ему как родная внучка была. Но без него я и к Любочке не могла поехать. Должны вместе ехать! Куда это ты намылилась? Все думал, что у меня любовники.

Покупал мне все, что я хотела. Самой, правда, не разрешал покупать. Если мне в рынок было надо, он мне список писал, чего купить. И денег давал по списку. Если Марте помочь – то только с премии, чтобы Коля не знал. У него все по чести по совести. Молоко – 30 копеек, хлеб -14 копеек. И даст ровно 44 копейки. Ладно, рубль. Но сдачу потом пересчитает. Не жадный, нет. Считает деньги. Если мне надо платье – пойдет и купит. Вместе со мной. И уж если ему пла-

ть не понравится... Но у меня ж своя пенсия еще была, свои деньги – и я не говорила ему, какая у меня пенсия, а работа сдельная, откуда он узнает? Вклады на меня в банке открывал, чтобы деньги были. Вот они и пригодились, когда он умер. Но это Любочка все решала. А я... Я ничего не могла. Я только плакала и думала, как я буду без него жить.

Похоронили мы его хорошо. Место хорошее, высокое – песочек, памятник хороший сделали, фотография там отличная. Любочка только не хочет на кладбище ехать. Ну, ей некогда, она работает... А я так хочу на него посмотреть! Он там на фотографии как живой. Дорогой мой муж.

***

(расшифровка аудиозаписи)

Привет!

Как вы там? Как бабушка? Была очень рада получить письмо от неё – передай ей привет и пусть пишет ещё. И то, что ты ей помогаешь – это очень хорошо! Только жалобами на свою головную боль она меня уже достала. Ну как может болеть голова, если там ничего нет? Впрочем, свою головную боль она использует как единственное доступное ей средство сказать, что она чего-то не хочет. Это фантастический механизм, конечно. Помню, я ей говорю: "Мамочка, давай мы сделаем..." А она начала отвечать: "Я не хо..." и потом, сразу же: "Ой, у меня так болит голова!" Даже и не смешно. Дер-

жись там.

Я наслаждаюсь жизнью и совершенно рада тому, что могу не думать о бабушкиной головной боли. Вчера мы ходили в Вальдштейнские сады. Иваныч меня оставил там в парке, пока бегал куда-то с Машенькой и Виталием. И я сидела-сидела, сидела-сидела. Они мне коньяку оставили, чтобы я не замерзла. Я фотоаппаратом везде пощелкала со скамейки, чтобы разглядеть уже дома. А потом мне сидеть надоело. И я осторожно так пошла. Ступенек не вижу, ни черта не вижу, палкой шурую, но повезло. Погуляла туда-сюда, наткнулась на толпу народу. А толпа стоит, что-то рассматривает, зовет "цыпа-цыпа". Я подошла ближе – и остолбенела. Посреди лужайки стоит белый павлин, как облако, и время от времени распускает хвост. Даже я увидела, какой он и как он светится со своим хвостом. Знает, что хорош, зараза. Я его тоже нащелкала, только не знаю, как получится.

А ведь я никогда не видела и не знала, что существуют белые павлины! Только вот думаю: какие мышцы и мускулы нужны ему на заднице, чтобы держать всю эту красоту хвоста? Раскрывать его и закрывать. Представляешь?

Когда мы с Иванычем плутали по Жижкову и наткнулись на собор св. Прокопа, на меня снизошло озарение. Вдоль собора проложены трамвайные пути. В какой-то момент по этим путям с бешеной скоростью пронесся трамвай. И тут я поняла, что трамваи в Праге похожи на павлинов, несущихся, распустив хвост, сверкающих огненными, голубыми,

желтыми перьями. Этот образ начал преследовать меня всюду, где я видела несущийся трамвай. Длинные его вагоны развеваются за ним как хвост павлина, когда он гордо перелетает через подстриженные кусты.

Иваныч, папа которого много лет работал ремонтником трамвайных путей, сказал мне, что в Ленинграде и в Праге абсолютно одинаковой ширины рельсы, и трамваи проектировались и создавались такими же, как и у нас. Или как у них. Только у нас все порушили, а в Праге экологически чистый транспорт, несущийся мимо соборов как павлины в брачный период.

Целую. Привет бабушке. Пиши, как у вас и что.
Мама.

***

Из личных сообщений в социальной сети.

Заявка в друзья: Никита Васильев.

Никита Васильев online

Никита: Люба, добрый вечер! Очень рад был вчера с Вами познакомиться и видите нашёл Вас тут. Хотя это было не так просто. Вы, оказывается, за мужем. Это сильно уменьшает мои шансы выпить с Вами кофе на будущей неделе?

Люба: Добрый вечер, Никита!

Рада вас тут видеть. Да, и я с удовольствием выпью с вами кофе. Только если возможно, днем, потому что у меня сейчас живёт бабушка, и она будет волноваться, если я уйду вечером.

Никита: Прекрасно, Люба! Я очень рад. Как на счёт среды? Часа в два?

Люба: Прекрасно! А где?

Никита: Давайте встретимся около Периных рядов и потом сообразим, куда можно пойти.

Люба: Договорились. Только напишите мне во вторник вечером, чтобы я была уверена, что ничего не изменилось)))

***

Из личных сообщений в социальной сети.

Ольга Степанова online

Люба: Оль, твой одноклассник, которого мы вчера встретили в кафе, мне написал! Приглашает кофе пить. С ним вообще можно идти?! Ты мне лучше скажи сразу, а то вдруг он маньяк.

Ольга: Ну ты даёшь! Попей кофе, попей.

Нет, вроде не маньяк. По слухам, женат и взрослая дочь. Но, кажется, вполне благонадежен. Так что можешь попы-

тать удачи.

Люба: Спасибо за информацию! Я ещё подумаю.

Ольга: Вы когда собираетесь-то?

Люба: В среду днём. Во вторник договорились списаться ещё раз. Если бабушка себя хорошо будет чувствовать – пойду. Наверное.

Ольга: Ну-ну. Потом расскажешь)))

Люба: Хорошо))) ну и ты тоже поспрашивай, как там и что. Мне же интересно.

Ольга: Договорились.

***

Иногда я почему-то вспоминаю старую квартиру на Красноармейской. Она мне до сих пор снится, даже здесь, в Чехии, в Праге. Павлин почему-то не снится. Эти комнаты, потолки... Старая лестница. Как меня мужик какой-то на этой лестнице за жопу щипал. И бабушка. И ведь ходили к нам гости, гости без конца, бабушка готовила, пироги пекла. Я потом уже, когда с ней жила, пироги эти на работу носила. Так весь отдел слетался, как коршуны, на запах. Сметали все подчистую. А потом квартиру ту разменяли, переехали, и сейчас я думаю: как можно было жить в трешке с родственниками? Мама, Коля ее ненаглядный, бабушка и мы с Любкой. Бабушка Лешку ненавидела. Что, говорит, без кола без двора. Зачем тебе этот малохольный? А я его любила... Так лю-

била, до боли просто. Да и до сих пор люблю, наверное. Николай Иваныч пил, конечно, периодически, и под это дело ругался со всеми. Мы в одной комнате, мама с ним в другой, бабушка в третьей. А ревнивый до чего был мужик, зараза! Как он мои трусы все ножницами порезал! Пришел с работы, трусы сушатся на веревке на балконе. А он смотрит – я же не знаю таких трусов! Как это у моей жены могут быть неизвестные мне трусы?! и порезал все в клочья. А то, что это мои были, ему и в голову не пришло.

***

Привет, мама!

Твой пингвин (то есть павлин) меня потряс. Я никогда не думала, что существуют белые павлины. Что это вообще возможно. Белый носорог – да. Даже белый слон. Или розовый. Но белый павлин? Немыслимо.

Мы живём хорошо. Здоровье наше хорошее. Только лапы ломит и хвост отваливается. (Шутка).

Сашуня нашла бумажку от ЛОРа. Помнишь, она к нему ходила, когда у нее ухо болело? На бумажке написано: герпес уш. рак. Сашуня говорит: надо ехать на Черную Речку. Вот доктор написал. Я спрашиваю – зачем? Она говорит – вот тут рак написано. Боже. И ведь не убедить ее, что это не рак, а раковина. Рвется на Черную Речку. Я говорю: никуда не надо ехать! Никуда! Зачем тебе врач? У тебя ухо бо-

лело и уже прошло! Все в порядке! Но нет. Она обижается. Как будто смерти ее хочу. Надулась, ушла в комнату. На следующий день снова: надо ехать на Черную Речку! И бумажкой размахивает. Я начала орать, что сейчас бумажку порву на мелкие клочки и выброшу. Нет-нет-нет, только не выбрасывай. В общем, отобрала я у нее эту бумажку, пихнула к остальным документам. Чтоб не читала она ее больше никогда. И врач – идиот. Надо было такое написать? Нет мозгов тоже, совсем как у Сашуни. Хотя я понимаю – для него это обычное сокращение. Нормальному человеку даже в голову прийти не может, что это все можно так прочитать...

Вчера гуляли. Сашуня, конечно, хуже, чем раньше. И ходит медленней, и останавливается чаще. И у неё болит голова. Но это не помешало ей с энтузиазмом ходить по магазину, смотреть всяческие шмотки и постоянно говорить о том, что ей ничего не нужно, но, Любочка, посмотри, какое платье! Тебе пойдёт! Платье – в цветах и еле прикрывает задницу. Был бы у меня хвост, как у павлина или у трамвая, тогда это платье было бы возможно. Но хвоста у меня нет, увы. При этом Сашуня советует это платье мне, что совершенно не мешает ей всех встречных девиц в юбках чуть выше колена обзывать шлюхами. Просто удивительно. Но мне, хоть я и не павлин, можно носить и такое, по её мнению.

В общем, платье мы не купили. Возможно, зря. Зато выкатились из магазина с бутылкой вишнёвого пива и коробкой шоколадного зефира. Пиво – мне, зефир – Сашуне. Но

кассирша-то об этом не знала. И смотрела на нас с подозрением. Впрочем, Сашуне я тоже пива налила. И ей вроде даже понравилось.

Вот и все наши новости.

Целую.

Люба.

***

Иногда ведь хочется написать письмо, мама. И я его не пишу. Или написать письмо – и не отправить. Но это – ненаписанное. Потому что выложить свои мысли на бумагу – это придать им некоторую материальность, а ведь мы этого боимся, правда? Боимся, мама, что живем не так, не там и не с тем. И так мучительно это осознавать. Потому что вот думаешь – надо жить как люди. И хочешь жить как люди. Но ведь не получается, никогда не получается, мама. И ты что-то делаешь, стараешься, рвешься из последних сил, как тот павлин с белоснежным хвостом – но все равно не так, не там и не с тем. И сделать с этим решительно ничего невозможно, мама, как бы этого ни хотелось – мне или тебе, мама, совершенно неважно. Возможно только бежать быстрее и делать больше. Потому что чем быстрее бежишь – тем меньше думаешь. А остановиться и задуматься – страшно, мама. Потому что, если остановишься, то поймешь, что живешь не так, не там и не с тем.

***

Из переписки в социальных сетях.

Ольга Степанова online

Люба: Ну, встретила я с этим Никитой. Жива вроде)))
наверное, он все-таки не маньяк *с сожалением*

Ольга: Ну и слава богу))) я пока про него подробности
узнать не успела, завтра позвоню одной из нашего класса,
поспрашиваю.

Ну вы хоть договорились о следующей встрече?

Люба: Ты знаешь, нет. Я как-то вдруг спохватилась и по-
бежала домой. В общем, не знаю. Посмотрим. Может, напи-
шет)))

Ольга: Ну, жди, жди. Оно тебе надо?

Люба: Я ещё не поняла))))

Но ты мне напиши, как что узнаешь.

Твоя-то история как?

Ольга: Ой, ну какая история. У меня этих историй... Ну
вот вчера встречалась с одним. После работы, голодная, злая.
И ведь думала поесть как человек перед свиданием – но нет,
опаздывала. Думаю: встреча в ресторане, не просто так. На-
кормит, наверное. Пришла. Ждет меня с букетом цветов.
Приятно. Ну что, говорит, будешь есть? Кофе и пирожные?
Тут вкусные пирожные – таких нигде больше не делают. Со-

гласилась я на пирожные. А они оказались маааааленькие. На один зуб. Время расплачиваться – я как приличная достаю кошелек. Он – нет-нет, Ольга, что вы-что вы! Расплачивается. И пожаловаться вроде не на что – накормил, наполнил, за меня заплатил, но вот честное слово, лучше бы я сама расплатилась и поела как человек. Вот такая вот история.

Люба: Понимаю. Мне тоже в итоге обычно проще заплатить самой. Но начнешь за себя платить – они обижаются, нежные и трепетные.

Ольга: Ну да. Пришла потом домой, сварила себе сардельку и ела ее, урча. Вечером ему написала – спасибо, все было прекрасно.

Люба: И?

Ольга: Ну что, договорились еще встретиться)))

О Никите все завтра узнаю, напишу.

Люба: Спасибо тебе! Не грусти)))

Ольга: Не дождетесь.

***

А я вспоминаю. Вот они говорят – алкоголик, пьяница, а кто не пьет? Вот муж мой первый пил. И гулял. Открывается дверь, и появляется он на пороге с какой-то бабой. Вот, говорит, знакомься, это Наташа. А Наташу эту он из какой-то командировки привез. Накорми, говорит, напои, спать уложи. Что я могла сделать? Накормила и напоила. Или вот при-

ходит с другом своим, Иван Петровичем. Пьяные оба. И вот Иван Петрович спрашивает: «Ну что, князь Шуйский? А не пора ли нам к княгине Марье Алексевне?» И уходят на всю ночь. Под утро он возвращался и уходил на работу. Ничего хорошего я с ним не испытывала. А я же еще с мамой жила, мама за Мартой смотрела. Строгая была. Ее он побаивался. При ней вел себя как надо.

У его приятеля была жена, Елена Кузьминична. Мы к ней иногда в гости ходили, танцульки устраивали. Там и познакомилась с Николаем. Он за мной ухаживал. Цветы дарил, встречал – провожал. Военный. Красивый.

К нам приходил. Выпивали они с Иннокентием вместе. У Елены Кузьминичны встречались.

А когда Марта закончила институт, был выпускной. Иннокентий не пошел. Идите, гуляйте, говорит. И мы с Николаем пошли. Встретили и Марту, а она со своим будущим мужем была, и группу их, с которой они учились. Погуляли с ними, потом уже сами пошли. Прошли мост лейтенанта Шмидта, пошли по набережной, дошли до Марсова поля, молодые были. И пришли в квартиру под утро.

Николай переночевал у нас на раскладушке и уехал.

***

Ольга Степанова online

Люба: Оль, ты не поверишь! Он мне сегодня позвонил.

Пригласил на свидание. Ну, то есть не на свидание, а кофе попить.

Ольга: Ооооо! Как круто! Только себя не обманывай – "просто кофе попить". Где ж это видано – просто так пить кофе? Ты там смотри, поосторожнее кофе пей)))))

Люба: Да ты что! я очень осторожна. Ну, я надеюсь. Договорились на послезавтра. Ты ничего про него не узнала?

Ольга: Могу сказать только, что информация подтвердилась. Женат, дочь школу заканчивает. Видимо, отношения с женой не очень хорошие.

Люба: Почему это?

Ольга: Да потому что он с тобой на свидание собирается, балда.

Люба: Блин, я так волнуюсь! Как в шестнадцать лет. Можно подумать, первый раз замужем)))) да и надеть совершенно нечего, все как всегда.

Ольга: Да не волнуйся. Ерунда. Ты же понимаешь, что мы умницы, красавицы и все такое. А твой-то как?

Люба: Ну как... Как обычно. Вечером пришел, пива выпил и спать. В прошлые выходные он этого пива столько выпил, что я думала, лопнет. Ну что я тебе буду рассказывать. Ленку колбасит, одни мальчики на уме. То есть то мальчики, то депрессия, то эйфория, то в монастырь собирается. В школу каждый день еле-еле отправляю. Вспоминаю себя: как влюблялась, так в школу ходила с удовольствием, посмотреть на предмет обожания. А если нет – то что там делать?

Вот и на работу так же хожу, и домой. Сил как-то совсем нет, заканчиваются...

Ольга: Эээээ! Ты не раскисай там! Ее на свидание пригласили, а она ноет!

Люба: Да мне Сашуня сегодня весь мозг выклевала. Я пришла с работы, спрашиваю: ты ела? Нет, не ела. Ну вот же, говорю, в холодильнике полно всего! – Я не хотела. – Вот творожок, вот ватрушка, тут суп. – А мне Леночка ничего не предложила! Я к Лене: ты почему бабушку не покормила?! А она – ну конечно, не покормила! Я ей предлагала. А она говорит, что бутербродик съела и хватит. В общем, все как всегда. Один на другого валит. Чашку мне разбила. Я спрашиваю: кто чашку разбил? Это не я! отвечают обе хором. Нормально, нет? Как дети малые. А ты говоришь – свидание.

Ольга: Да я ничего и не говорю. Я, может, тебе просто завидую. Как обычно.

Люба: Чего завидовать-то? Ты вот тоже на свидании недавно была))))

Ольга: Офигенное свидание. Даже не говори))))

А вот помнишь, я тебе рассказывала про однокурсника, который был в меня влюблен? И просыпается с периодичностью раз в полгода?

Люба: Помню, конечно! И что? Проснулся?

Ольга: Вчера в час ночи написал смс. Какую музыку ты любишь? Взрослый мужик, под сорок лет. И такую чушь пишет. Главное, что я полчаса еще думала, что ему ответить.

Написала в итоге «Извини, спокойной ночи». Вот чего он хочет, а?

Люба: Ну, тебе лучше знать, чего он хочет. Понятно, что не узнать, какая музыка тебе нравится))))

Ольга: Это да. Но я так и не понимаю, чего Вадику надо. Жена, трое детей, а он мне смсит в час ночи...

Люба: А ты его спроси))))

Ольга: Хорошая идея. В следующий раз напишет – спросу. Вы-то с Никитой в приличном месте встречаетесь?

Люба: Вроде да. Договорились на обед))))

Ольга: Отлично! Никите от меня привет.

Люба: Непременно передам. Ладно, пошла я спать, а то сил моих нет. Сейчас вот только посуду вымою и спать... А то надо ж прилично выглядеть хоть иногда!

Ольга: Спокойной ночи))))

***

И что делать с этой старостью, с этой немощью, я не хочу этого, мама, я не хочу стареть, я не хочу быть, как ты, мама! Не помнить слов, не помнить лиц, а помнить только события далёкого прошлого и то, что вот здесь, на Блюхера – то есть на Покровской, была Покровская церковь, был китайский огород, и жили тут китайцы, а сейчас все не так и совсем уж нет того, что было, и вспоминается только этот – как его звали? – который помогал мне Маргу забирать домой из

детского сада, а Иннокентий ругался и приводил баб в квартиру, а мама ругалась и не выносила его на дух, бабника и алкоголика. Что делать с этим, мама? С воспоминаниями, которых почти нет, которые расплываются в туманное пятно, ускользают, не оставляя после себя даже слов, даже имен, даже лиц... Как жить с этим, когда ничего больше нет? Ни красоты, ни молодости, лишь морщины, пятна, слезящиеся глаза, головная боль и этот... Как его звали? Я не хочу так, мама!

***

(расшифровка аудиозаписи)

Привет, Любка!

Ну как ты? Как бабушка? Не достает?

А я тут наслаждаюсь. Про павлина я тебе уже рассказала, но павлином дело не ограничилось. То есть, конечно, такой красоты я больше не видела, но...

Мы тут с Машенькой и Виталием поехали в Крумлов. Меня поражает, как Машенька заказывает все эти гостиницы, билеты. Она просто ас. Ищет по сайтам, находит дешевые варианты, вычисляет оптимальный путь. Ведь в Чехии автобусы ходят по расписанию, что у нас представить совершенно невозможно. И запросто можно сесть на автобус и уехать куда хочешь. А поезда! Мягкие, удобные, и проводники вежливые. Я такого не видела никогда. Помогут и войти, и вый-

ти – это что-то потрясающее!

И вот мы поехали в Крумлов. Маленький средневековый городок. Машенька сняла номер в гостинице, на нас всех четверых. Крумлов – узенькие улочки, замек на горе, старые-старые дома... Ходишь по улицам и видишь, какой была Европа когда-то. Черепичные крыши... А номер в гостинице! В номере есть колодец, представляешь? причем мы не сразу его даже увидели. Потому что из колодца сделан стол. Стеклянная столешница, а под ней – колодец. Иваныч пошерудил рукой под столом – и включил свет. Там до воды 3 метра, и самой воды еще четыре, нам потом хозяйка сказала.

Мы оставили вещи в гостинице и пошли гулять. Народу – тьма. Зашли в ресторанчик, поели – Виталий – вепрово колено, мы с Машенькой какие-то прекрасные колбаски – такие... Румяные, свиные, настоящие! вот прям ешь и знаешь, что они настоящие. Иваныч вместе с Виталием припал к колену. А мы с Машенькой потом заказали еще змерзлину. Змерзлина – это мороженое. И потом еще пивечка двукрат. То есть не двукрат, конечно, а четырехкрат, но я не знаю, как это будет по-чешски. Обожрались, вышли из ресторанчика – а на улицах – никого. Этого не представить. Машенька потом сказала, что жителей в Крумлове 11 человек. Ни одного горящего окна вечером. Хозяин ресторанчика, видно, за нами дверь закрыл и испарился. Вымерший город, вымерший абсолютно, как будто там и не жил никто никогда. И мы как путники с Земли в "Марсианских хрониках" пошли

в свой гостеприимный пансион без всякой уверенности, что доживем до завтра. Марсиане затаились и ждали. Днем они прикидывались людьми, а ночью.... Но обошлось. Утром мы спустились вниз, а там хозяйка уже хлопочет вовсю. А ведь вечером ее не было. Тебе обязательно надо съездить в Крумлов! Обязательно!

Говорить больше не могу – Виталий гонит меня из-за компьютера – Машеньке надо работать.

Целую. Привет бабушке.

Мама.

***

Вечная проблема – что надеть на свидание. И ведь неважно, сколько тебе лет – сорок пять, тридцать восемь, пятнадцать или шестьдесят. Достаешь, примеряешь – ах, это не то, это не так, и в этом у меня складочка на попе. Вдруг Он узнает, что я живой человек? Или он увидит меня, и полюбит, и будем мы жить долго и счастливо, тридцать лет и три года, и умрем в один день.

Головокружение, сердцебиение, и, господи, как дрожат ноги. А муж? Вдруг узнает муж? А что он узнает? Ведь ничего же и не было, правда? Еще не было.

Но будет. Возможно, если ты захочешь, если найдешь в себе силы, которых нет на любовь, но которые когда-то были. Давным-давно все было, но оно забыто, потеряно, утрачено.

чено, разворовано – мама, бабушка, прабабушка, дочь, дочери. Мужских фигур нет здесь. Нет опоры, нет никакой опоры, кроме самой себя, а это так сложно, так невозможно, так безвозвратно...

Но что же надеть?

***

Привет, мама!

Ты меня, конечно, поражаешь своими рассказами. То павлин, то Крумлов. Такая красота!

Мне тебе писать особо нечего, как ты понимаешь. Я уже Оле своей вчера жаловалась, как меня эти две красотки замучили – Ленок и Сашок. В смысле мои родные дочь и бабушка. Сашуне как будто пять лет. Когда хочет – все понимает и все делает. Но когда не хочет... Я ей говорю – не надо чайный пакетик класть в Вовину чашку! – Это не я! отвечает. Я говорю: неважно, кто, не клади пакетик туда! Вот тебе блюдечко! а сама думаю: ну кто же, кроме тебя, может еще это сделать? Все остальные выкидывают пакетики в ведро, а я завариваю себе чай в чашке.

Ест плохо. Утром ест свой любимый геркулес. Вот как дед ее приучил – так и происходит. Утром – каша. Я сварила сегодня с утра – не надо было на работу бежать – положила ей. Ой, что так много? А это моя месть, говорю. Помнишь, как вы с дедом во Пскове заставляли меня кашу есть? вот

теперь и ты ешь. И ты знаешь, покорно все съела. Если с ней строго – так она не очень и сопротивляется. Но голова болит постоянно. Правда, часам к четырем проходит. И тогда можно пойти погулять. Но на улице начинает задыхаться и жаловаться. Уже не на голову, а на то, что болит за грудиной. Не знаю, сердце, наверное. Вернешься – надо врача вызвать, что ли. В поликлинику ее ведь отправлять бесполезно, да и что там скажут, в этой поликлинике. Опять пропишут таблетки – эту половину от головы, а эту от жопы.

Вечером смотрит Малахова и "Давай поженимся". Я скоро эти передачи буду наизусть знать. Зато "Модный приговор" с утра у нас на ура идет. Правда, Сашуня все это комментирует своеобразно, то есть как обычно. А это что за жирная корова? А, Бабкина? Ну тогда ладно. Она ничего. Или Эвелину обозвала худыми мощами. И смех, и грех.

Целую.

Люба.

***

А потом, после той прогулки с Колей, мы с Иннокентием собирались ехать в отпуск. Мама пирогов напекла. Я рубашки гладила Иннокентию. А он, когда пришел, чуть не ударил меня утюгом. То ли я складочку не разгладила, то ли что. А я ему и говорю: я с тобой в отпуск не поеду! Не поеду!

А потом пришел Николай. Конечно, они выпили. Сидели

на кухне и разговаривали на тему обо мне.

Иннокентий спрашивает: "А ты мою жену любишь?" Коля отвечает: "Люблю!" А Иннокентий: "Тогда забирай!"

Руки друг другу пожали.

Тут Коля говорит: "Ну что, Сашуня, давай собирайся!" Я быстро собралась, и мы убежали – с пятого этажа по лестнице унеслись. А Иннокентий бежал сзади, но, конечно, не догнал.

А мы с Колей сели в электричку и поехали через Ораниенбаум в военную часть. От Ораниенбаума взяли такси.

Доехали до военного городка. Там на входе сидели военные, что-то пели, играли, мы с ними тоже посидели. А потом вроде надо к нему идти, но там в доме еще соседи, другая семья жила. Он говорит: я сейчас пойду туда. Видишь мое окно? Пойдешь, когда я зажгу свет. И дырку в заборе показал. Я подождала немного, он зажег свет, и я побежала к нему. И у него мы пили вино "Черные глаза", понемногу, разговаривали, а потом и в койку.

И я уехала жить в Петергоф к тете Клавде. А тетя Клавдя уехала к маме, в Ленинград. Вечером после работы приходил Коля, оставался ночевать. В выходные мы ездили на залив, купались, гуляли в Петергофе в парке. Еще через две недели Коля ушел в отпуск, и мы стали все время проводить вместе. Потом вернулась тетя Клавдя. Домой я ехать не могла, и мы с Николаем спали на балконе. Четвертый этаж, старый дом. Матрас на балкон бросили и спали там. Воздух, звезды. И ни

на одну женщину, кроме меня, он не смотрел! Просто обо-жал. Ревновал, конечно, ну и что? После всех баб Иннокен-тия, после унижений – ты, Сашка, такая дура безмозглая! – было просто счастье. Петергоф, лето.

***

Ах, Никита! И ведь кажется – я взрослая тетка. И о чем бы мне думать? надо бы о хозяйстве, о муже, вот ремонт надо сделать, и мебель поменять, чтобы было все, как у людей. А как у людей не получается никогда. Ну вот что меня понесло встречаться с этим Никитой? Ведь вроде и не надо мне этого, и есть у меня все: и муж, и девочка любимая, нормальная семья.

Вчера мучили меня эти сомнения, мучили, но пришла домой с работы – Вовка опять пьяный сидит. Глаза красные, опухшие, опять у него на работе какие-то неприятности, непонятно какие, злится, Ленку гоняет – то она чайник не так поставила, то свет в туалете не выключила, то ведро мусорное не вынесла. Я ужин приготовила, старалась вроде – а он туда майонеза с кетчупом намешал, ну что ты будешь делать. Ведь ни вкуса, ничего не осталось, один вред. – Ты меня любишь? – спрашивает. Конечно, люблю. А как же мне тебя не любить? И такая ненависть к горлу подкатывает, прям ни видеть, ни слышать его не могу. Но ведь нормальный же мужик на самом деле. И деньги зарабатывает, и ме-

ня любит, и Ленку. Но не могу. А запах этот пивной! Такое ощущение, что пиво через все поры его тела просачивается, и пахнет, пахнет! А с утра перегаром. Невыносимо. И тут я и подумала – а почему бы не встретиться с Никитой? Должно же у меня быть в жизни хоть что-то хорошее. Потому что так жить невыносимо, невозможно. Ленка ноет, хочет пупок проколоть. Ну куда ей этот пупок прокалывать? Что за глупость нечеловеческая? щелк! открылась еще одна банка пива. Я не могу слышать этот звук. Ну просто не могу. Если даже на улице кто-то пиво открывает -я вздрагиваю и волосы на спине дыбом встают. Просить, запрещать, что-то еще делать – бесполезно. Только хуже будет.

А потом он спит всю ночь на кухне, мордой в стол. А Ленка с утра – а папа опять всю ночь на кухне проспал! Спасибо, я знаю. Раньше я его пыталась в кровать уложить. А потом думаю – а зачем мне это? чтобы он всю ночь над ухом храпел? Ноги свои раскидывал? Пусть лучше на кухне.

А Никита... Непередаваемые ощущения. Пока все это на грани легкого флирта, вот эти чудесные заигрывания, взгляды, разговоры ни о чем, но сколько в этом жизни, дыхания, счастья! Я понимаю, он женат, да и я замужем. Дочке младшей у него два года. Говорит, с женой давно не общается – все так говорят. Жена не работает у него, по дому хлопочет. Может, оно и правильно. Только как можно не работать? Это ж свихнешься от скуки. И я представляю себе, как я не работаю. Нееееет. Это невозможно. Не работать, не выходить из

дома, вечером ждать мужа, с ним разговаривать, потому что поговорить больше не с кем... Ах, нет, они же не разговаривают. А с кем она общается? С ребенком? Но чувства вины нет во мне. Взрослый мужик, знает, что делает. И что-то мне подсказывает, что я не первая и не последняя. А может, и вообще параллельная. Но это совершенно неважно. Потому что... да, возможно, это будет месть. Моему прекрасному и нежно любимому мужу. Но почему нет? Измена, измена!

***

(расшифровка аудиозаписи)

Привет, Любка!

Как ты? Как Сашуня? Как Ленок? Все ли у вас в порядке?

А мы продолжаем гулять. Из Крумлова вернулись обратно в Прагу. Я же тебе не писала, как мы катались на лановой драге? Это что-то фантастическое. Этот фуникулер совсем не такой, как мы привыкли видеть в фильмах – канатная дорога раскачивается в небесах и кабинка едет. Тут целый вагон, который передвигается по зубчатым рельсам. Я, конечно, ни черта не увидела, но Иваныч мне рассказал технологию. Зубчатое колесо цепляется за зубчатые рельсы, и вагон ползет вверх со страшным грохотом. Ползет всего минут пять, может, десять, но кажется, что целую вечность. А наверху, на горе Петржине, тоже парк. Только уже без пав-

линов. Цветут розы – дивный аромат! Дорожки все аккуратные, мелкий песочек (или гравий?), но ходить очень удобно. А на склоне горы растет целый лес. Наверху – парк, внизу – лес, но спускаться мы там не стали, потому что я закричала, что такой спуск я никак не осилю. Поэтому мы погуляли по парку, понюхали розы и на лановой же драге спустились вниз. Пошли, как всегда, в ресторан, и там ели. Не могу не рассказывать о чешской еде, потому что кажется, что никогда в жизни так вкусно не ела. А пиво – пиво выше всяких похвал.

Потом мы поехали обратно в гостиницу. У нас же там апартаменты даже с кухней. Две комнаты – в одной мы с Иванычем, в другой – Машенька с Виталием. Удовольствие и наслаждение. Только нога болит зверски.

Целую.

Мама.

***

С каждым написанным словом голоса в голове звучат все тише и тише. Мама, бабушка, прабабушка, тетя, дочери, девочки... Каждая хочет сказать свое слово, за каждой стоит своя правда. И ведь я люблю их всех. Я могу злиться, могу орать, могу быть невыносимой, но они мои родственники, моя семья, и, по сути, больше никого у меня нет. Мужчины... Мужчины приходят и уходят, а семья остается. Это

странное ощущение семьи по женской линии, как будто мужчин нет вовсе, или они неважны, но это ведь неправда. В отличие от той, своей, правды.

Я люблю своего отца. Он тоже любит меня, но все это было всегда так невыразимо, так несказанно. Как сказала одна женщина – я двадцать девять лет замужем, но он ни разу не сказал, что любит меня. Возможно, слова не нужны. Слова – лишнее, но мне ли так говорить, написавшей уже не одну тысячу слов? Все важно. И слова тоже.

Я помню, как маленькой девочкой гуляла с отцом. Это было всегда счастье, всегда удовольствие, потому что он рассказывал истории, половину которых я не понимала. Все так чудесно, и твой дедушка был волшебником. А ведь ты знаешь, что волшебство передается через поколение? Дедушка всегда знал, кто идет к нему в гости или кто звонит по телефону. Я тоже иногда это знаю. Но мне кажется, это же у всех так? До сих пор я гадаю, чей же это дедушка – мой или его. И кому передалось волшебство – мне, которая ничего с ним не сделала, потому что всегда считала его не своим, или ему, который пропил все то волшебство, которое было ему положено.

***

Сегодня мне снова снился папа. Он иногда мне снится. Иногда снится в нашей старой квартире на Красноармей-

ской, иногда в той комнате, в которой он жил последние годы. Мне всегда кажется, что он укоряет меня, обвиняет меня. Ведь я виновата. Я не видела его последние десять лет его жизни. Как я могла? Ведь он любил меня. И я любила его. И я так и не сказала ему об этом.

Они разводились с мамой – безобразно, некрасиво, с криками и истериками мамы, несмотря на то, что она собиралась замуж. Это было неважно. Он кричал на нее и грозился убить. Но он никогда не поднял руку на женщину, никогда в жизни. Он прошел всю войну, он дошел до Вены, не до Берлина, но это ведь не так и важно. Сколько он видел? Сколько он пережил? И тут мама, нежный цветочек, блокадница, как она сейчас себя называет. Она никогда ничего не решала. Когда-то врач ей сказал, что у нее слабые нервы и ей вредно думать. И с тех пор она не думает ни о чем, нежная и невинная. Когда она жила с папой, все за нее решала бабушка. И ведь никогда ни слова мама не говорит о том, что она любила отца. Да, она рассказывает о своих влюбленностях, но детских, где-то там, в Мучкапе, в эвакуации. Кого она любила, когда они вернулись в Ленинград? Любил ли отец мать, или женился на ней, плененный красотой юного и нежного создания? Зачем это было? Но ведь они жили вместе, и спали, и трахались, и растили детей – но в ее голове не осталось ни одного хорошего слова о моем отце. Только эти бабы, княгиня Марья Алексевна да его бесконечные командировки.

Он приезжал в Куйбышев, когда мне делали операцию на глаза. Он пришел меня навестить и познакомился с моим лечащим врачом. – Федор Иннокентьевич, – представился врач, когда папа пожимал ему руку. – Иннокентий Федорович, – представился мой папа, и они уставились друг на друга, потрясенные таким странным совпадением имен и отчеств. Вот тогда мой папа смотрел на меня тем взглядом, который мучает мою совесть по сю пору. Он смотрел с тревогой, и я знала, что он меня любит. Я была его любимая дочка. Понятно, что это была командировка, и он пришел ко мне в больницу, и мялся, и не знал, что сказать и что делать, он ведь видел все это миллион раз на войне, но здесь, в тихой и чистой больнице провинциального города, его дочь, которая может ослепнуть после операции или ослепнуть без операции, дочь-профессор, потому что я всегда и везде читала, может вдруг стать инвалидом, и что ему делать тогда? Наверное, он так не думал. Это я придумываю себе сейчас, после этого сна, в котором я бегу, бегу и хочу сказать ему о своей любви, и попросить прощения, и не успеваю. Никогда не успеваю.

***

Ольга Степанова online

Ольга: Ну что? Как сходила на свидание?

Люба: Ты знаешь, прекрасно. Просто прекрасно. Встретились, пообедали. Ему потом надо было на работу бежать. Подарил мне розы.

Ольга: О, шикарный мушкетер, я смотрю!

Люба: Ну да, шикарный. Я выяснила – он работает менеджером в магазине сантехники)))) ванны, унитазы и прочие душевые кабины. Представляешь? Правда, кажется, он не просто менеджер, а из главных менеджеров, но все равно смешно.

А розы я отдала продавщице в каком-то магазине. Выкинуть не могу и прийти домой с цветами не могу. Я как-то один раз так пришла – разборок было на неделю. Вова меня все спрашивал, не завела ли я себе любовника. А я просто с одноклассником встретилась кофе выпить. Ну что в самом деле? Можно подумать, кофе попить нельзя.

Впрочем, продавщица, в отличие от меня, была вполне счастлива.

Ольга: Вова ревнует, что ли?

Люба: Да ты себе не представляешь. Этот на тебя посмотрел, тот на тебя посмотрел. Как дикий.

Ольга: Ну, это не так и плохо, наверное. Ревнует – значит, любит.

Люба: Да пусть любит, сколько ему влезет. Только сцены зачем устраивать, я не понимаю.

Иногда я даже втайне думаю, что завел бы он себе любовницу. Может, меня бы меньше доставать стал. Но любовница

ему не нужна. Помнишь, как в старом анекдоте? "Девочки, я не ёбарь, я бухарик". Так и живем.

Ольга: Ну хоть в койке до тебя не докапывается, и то хорошо.

Люба: Ну почему же не докапывается. Бывает и такое. Но, к счастью, все реже и реже. Потому что докапываться ведь начинает, как выпьет. А когда выпьет, я его видеть не могу. Такой порочный круг.

Извини, я все тебя грузу и все тебе жалуясь. Но надо ж как-то...

Ольга: Да ничего-ничего)))) я привыкла))))

Люба: Ну вот))) ни слова больше не скажу!

Ольга: Да ладно, я пошутила. Чего еще хорошего?

Люба: Да слушай, ничего. Никита прекрасен, конечно. Я на свидание принарядилась, почувствовала себя, знаешь, красавицей. Вот оденешься нормально – и кажется, другой человек. Все эти юбочки, платица и прочее волшебство. Приходишь домой – и из принцессы превращаешься в жабу. Я по дороге еще в магазин зашла – булки, хлеба, Сашуне творожок, молоко, чтобы кашу утром сварить, не может она без каши, дед приучил. Чтоб как в армии – утром должна быть каша! Булочек ей каких-то накупила – мне же завтра на работу, у нас очередное мероприятие в библиотеке, концерт, читатели сумасшедшие, вернусь поздно... Но это я отвлеклась – иду из магазина такая красавица с двумя сумками огромными. Как две разных жизни. Тут красавица, а тут

– ломовая лошадь. Посуду помой, ужин приготовь, и где то свидание? и было ли оно вообще?

Ольга: Было, было))) Если ты не придумываешь, конечно.

Люба: Да такое не выдумаешь)))) закрутить роман с сантехником – это надо додуматься. Но хорош, мерзавец. И так на меня смотрит! Просто прелесть. Скоро, чувствую, гладить под столом коленку начнет))))

Ольга: Хахахаха! Ну ты даешь. Пусть гладит коленку. От тебя не убудет))))

Люба: О нет. Не убудет. Договорились о встрече послезавтра))))

Ольга: Чувствую, роман развивается полным ходом))))

Люба: Я надеюсь. А то от тоски можно было повеситься. А тут хоть какое развлечение.

***

Оказалось, что Иннокентий без меня в отпуск не поехал.

Я была в Петергофе, одна. И должен был приехать Николай, а приехал Иннокентий. Пришел и говорит: "Собирайся, поедем!". Я отвечаю: "Никуда я не поеду!" – "Не поедешь – зарежу!" – "Я жду Николая и никуда не поеду!" Но он меня запугал. И, конечно, я поехала домой, в Ленинград. И мы тут же уехали в отпуск. Я хотела оставить записку Николаю, но Иннокентий мне не дал этого сделать.

И мы поехали на его родину, к Моте, тете его. Там я на

него даже смотреть не могла. Мотя нам сделала спальню в пристроечке, поставила туда кровать, старалась. Но я ему сказала: "Я тебя не люблю и не хочу!". Он пытался меня изнасиловать, но ничего не получилось.

Потом Мотя нас отвезла в место, где река Великая начинается. Иннокентий взял с собой удочки: он приехал ловить рыбу. Маленький такой домик, в котором еще жило четверо мужиков с собакой. Они в одной половине дома, мы в другой. И вот надо спать. Я ему говорю: "Не подходи ко мне!" Вначале оставил меня в покое, а потом с мужиками подпили они, он снова пришел. И я ему снова говорю: "Не подходи ко мне!" Он не слушает, но пока он шебуршился, я убежала из дома. Ночь, вокруг лес, и я спряталась в лесу. Там очень страшно. Сунулась к мужикам, которые в другой половине дома, и собака меня встречала, и там я села на стул и всю ночь сидела на этом стуле.

Я потом мужикам все рассказала, они меня жалели и помогали. А потом я как-то догадалась и сказала Иннокентию: "Мне надо на станцию, хлеб купить и послать письмо маме". Он меня на станцию отпустил, и я написала маме и Николаю. Николаю написала, когда я приеду и чтобы он меня ждал у мамы. А Иннокентию сказала, что должна уехать, что на работе нужна и отпуск у меня закончился.

И я уехала. Мужики мне поймали большую рыбку, которую я держала в поезде за окном, чтобы она не воняла.

***

Привет, мама!

Живем мы хорошо, здоровье наше хорошее. Сашуня чувствует себя прекрасно, передает тебе пламенные приветы. Спрашивает, когда же ты вернешься. Каждый день спрашивает, и, если честно, я уже устала отвечать. Мучает меня дурацкими вопросами о том, кто живет в ее квартире. Это верный способ меня достать. Любочка, а вот в квартире была фотография Коли, висела на стене над дверью, я не могу ее найти. Ты ее увозила? Да, я ее увозила. А может, ты ее там оставила? Нет, я ничего там не оставила. Я из квартиры вывезла все, все барахло, которое у тебя там было. В моей квартире не было никакого барахла!!! Ну да, ну да. Я даже не пытаюсь ей напоминать о тех горах мусора, которые я вынесла на помойку. А вот то чудесное зимнее пальто с меховым воротником ты тоже вынесла? Да, я его вынесла. Но это же было хорошее пальто! Отличное пальто было, отвечаю. Его моль поела и в нем только на помойке и жить. Нет! Это было хорошее пальто! Мне его Коля купил. Когда, спрашиваю, когда он тебе его купил? Когда вы только поженились? Тридцать лет назад? А вот там еще таз хороший был... Таз я вынесла на балкон. Нет, не на помойку. А фотография Коли, ты ее забрала?

И так по кругу. Целыми днями. Только если наорать, она перестает спрашивать. Я вчера не выдержала, наорала, при-

чем матом, и ушла. Пошла в магазин, купила себе там азалию в горшке. Зачем, спрашивается? они все равно у меня не живут, адохнут только. Но сил не было никаких. Поэтому купила цветок. Гуляла часа два. Вернулась – Сашуня тише воды ниже травы. Не спорит, про фотографии не спрашивает. Ну и слава богу.

Оживляется, когда я начинаю на работу собираться и думаю, что бы надеть. Тут с ней можно даже посоветоваться. Вот эта блузка сюда подходит, а вот эта нет. И бусики сюда надо. Нет, не эти. А других у тебя нет? Хочешь, я тебе подарю? У меня есть хорошие! Готова отдать бусики. Готова что угодно отдать. Удивительное свойство. Может, пойдём завтра в рынок и купим тебе бусики? Хочешь? Нет, бусики я не хочу, у меня есть. Но в рынок можем прогуляться.

Так и живем.

Целую.

Люба.

***

Ольга Степанова online

Люба: А вчера, забыла совсем сказать – я же со свидания пришла, с этими сумками, а дома еще и свекровь сидит. Сидит на кухне с Сашуней, и они воркуют вместе. Меня обсуждают. Сашуня мне вечером свистящим шепотом жаловалась: пришла твоя Марыванна (почему она ее все время называ-

ет Марьиванной?), все про тебя гадости говорила. И что не убрано в квартире, и обеда нет, и как вы вообще живете. А я ей – говорит Сашуня – ответила! Вы что, не понимаете, что Любочке некогда? Что она вообще-то еще и работает? И дома работает по вечерам. Я же вижу!

Ольга: Молодец Сашуня!

Люба: Да не то слово. Бросилась на мою защиту, как тигрица. Надо с ней завтра погулять сходить, в рынок, как она говорит. А то я вчера с этим свиданием поздно вернулась, не успела погулять с ней. Только ужин да посуду помыть.

Ольга: Да я тоже ничего не успеваю. Откуда люди время берут? У меня на работе завал, а я тут еще халтуру взяла. И зачем-то влезла на сайт знакомств. Как мне начали писать всякие сумасшедшие! Я теперь, вместо того чтобы работать, сижу и ржу. Один назвал майской розой. Он даже не понимает, что он говорит! Но удовольствия – масса. И сразу, знаешь, самооценка повышается.

Люба: Сайты знакомств – хорошее дело)))) я бы тоже влезла, но неровен час, Вовка в мой компьютер залезет и историю посмотрит. Запаролить, что ли, комп? И пуститься во все тяжкие.

Ольга: Давай. Будем вместе на свидания ходить. "Две привлекательные дамы среднего возраста без в/п хотят познакомиться с двумя приличными обеспеченными мужчинами. Групповой секс не предлагать".

Люба: Ну это почему же? Может, надо попробовать хоть

раз в жизни?

Ольга: Тьфу на тебя)))) какой групповой секс? У тебя он и так скоро будет групповой – с Вованом и с Никитой. Только разнесенный немного во времени.

Люба: Лучше не говори. Я ведь вчера пришла, вся такая на воздушных, хоть и с сумками, и Вовка ведь до меня докопался. И не пил ничего. Как будто чувствует, зараза, что я налево пошла. Как они это понимают, а?

Ольга: Из воздуха ловят. Или это феромоны. Я не знаю. Мой бывший, как только я налево начинала смотреть, сразу чувствовал. Говорят, что женская интуиция – это вещь, так ничего подобного! Я до сих пор помню, как в глубокой юности я собралась изменить своему Сергею. Решила – надо что-то менять. А то знаешь, как бывает – кажется, вся жизнь уже определена на двадцать лет вперед, все расписано и ничего не изменить. А такое знание совершенно ужасно. Кажется, что скована по рукам и ногам, и такая безнадега. Пригласила приятеля – он давно ко мне подкатывал. Симпатичный, неглупый. Чаю попили, он приставать ко мне начал. Уже блузку почти расстегнул – и тут звонок в дверь. Сергей пришел. Хотя мы с ним и не договаривались. Почувствовал. Понятно, что блузку я застегнуть успела, а этот мой красавец рубашку в штаны заправил, слава богу. Успели. Типа сидим на кухне, чай пьем. Но вот как Сергей узнал – не представляю.

Люба: Ну вот и мой так же. Чувствует. Ведет себя прилич-

но, к Ленке не пристаёт, что все не так. Тишь, гладь, божья благодать. Я прям виноватой себя чувствую. Хотя вроде пока и не с чего – не из-за чашки же кофе чувствовать себя виноватой?

Ольга: Нет))) чтобы виноватиться, надо значительно больше. Но я думаю, у тебя скоро появится повод.

Люба: Тьфу-тьфу-тьфу)))

***

Вчера было очередное свидание. Мы встретились, выпили кофе и пошли гулять. Дома я сказала, что у меня аврал на работе, проверка из Центральной – ох уж эти проверки! – и раньше восьми я никак прийти не могу. Оставила Сашуне еды, Ленке дала инструкции, что делать, и помчалась.

Мы были в каком-то странном кафе – абажуры, индийский стиль, кофе с кардамоном, никого, мы сидели и целовались. Так странно целоваться в таком возрасте. Ха. Какой там возраст. Но мне в юности все женщины старше двадцати казались глубокими старухами. Ну хорошо, старше двадцати пяти. Я помню нашу учительницу русского языка. Ей было тридцать пять, о чем мы внезапно узнали и долго перешептывались по углам. У нее было старое морщинистое лицо и такие же руки. А потом она однажды пришла в красивом платье. И вдруг оказалось, что у нее нежная и красивая кожа, а руки – выше кистей – белые, красивые и молодые.

И вдруг стало понятно, что она может заниматься сексом, и вовсе не старая старуха с идиотскими домашними заданиями, как мы думали, а молодая женщина. Когда я смотрю в зеркало, я вспоминаю про нее. Я вижу свои морщины, гусиные лапки, натянувшуюся кожу под подбородком – две тонкие напряженные струны, и думаю – как же в таком возрасте можно целоваться? А оказывается, отлично можно. Как будто не прошло двадцать... Ну хорошо, десять лет с тех пор, как я целовалась с кем-то в последний раз. Муж не считается. Мужья, как пишет одна известная блоггерша, вовсе не для этого. А чтоб было кому очередь держать, пока ты в туалет отлучился.

Сколько угодно я могу гнать на Вовку, говорить, что он мерзавец, негодяй и алкаш, но он пока еще ни разу меня не подвел. Или подвел, а я забыла? Или скажем так. Если, конечно, я прошу его не пить перед приходом родственников, или когда мы идем в гости к моей маме, то он, конечно, пьет. Я не знаю, какой механизм тут работает. Видимо, лучше ни о чем не просить. Просьба вызывает чувство противоречия и желание нажраться. Такое же, как когда он видит свою мамочку. Впрочем, когда я ее вижу, желание нажраться возникает даже у меня, при всей моей любви к человечеству и свекрови в частности.

Но я отвлеклась от поцелуев. Говорю же – два мира, два детства. Дом и быт и любовник с поцелуями. Ой. Не любовник. Пока еще не любовник.

***

(расшифровка аудиозаписи)

Привет, Любка!

Кажется, мы уже скоро вернемся. Я не помню, на какое число Иваныч купил билеты. Избавлю тебя от Сашуни. Представляю себе, как она тебя достала за это время. Но пока у нас в планах съездить в Берлин и в Дрезден. От Машеньки Дрезден совсем рядом, сорок минут на электричке. Или час. А от Дрездена и до Берлина рукой подать. Очень хочется съездить.

А пока мы в Теплицах. Ходили в лазни, принимали минеральные ванны. Там есть шикарные Императорские лазни, настоящий дворец. Оказывается, чтобы принять термальную ванну, надо вначале записаться. И нас записали на четыре часа. И мы с Иванычем пошли. Причем когда мы пришли, я сказала сестричке, что я плохо вижу и мне нужно сопровождение. И сестричка, ты представляешь? – не моргнув глазом, сопровождала меня в эту самую лазню, то есть термалку, то есть ванну. А ванна была утоплена в пол, а еще сестричка надела на меня резиновый ошейник, чтобы я не утонула.

Ванна широкая и длинная, но неглубокая. Там две ступеньки под водой. Я там плескалась 20 минут, пыталась ощутить лечебный эффект. Воду я попробовала на вкус. Вкуса не было. Лечебного эффекта тоже. Но вот ощущение значи-

мости происходящего!

Когда время закончилось, милая сестричка явилась снова. Она накинула на меня огромную простыню и поволокла к кушетке. Но там не было моей одежды! Я в панике решила, что ошиблась в параметрах ванной комнаты, рванула дальше... И чуть не вылетела в коридор с голой жопой. Как мы ржали с этой чешкой! Оказывается, она должна была уложить меня на кушетку, предварительно закутав меня в одеяло.

Что тебе сказать? Думаю, что если принимать такие ванны в течение десяти лет, то есть шанс, что ухудшения не будет. Все остальное можно купить и у нас и, может быть, дешевле. Жемчужные ванны, иглоукалывание, массаж горячими камнями и травяными мешочками, тайский массаж и прочие соляные пещеры. О, как я все это хочу! Приеду – мы с тобой обязательно сходим куда-нибудь. На массаж. Да, это очередной мой план, не удивляйся и не возражай. Еще я хочу сделать ногти. Маникюр типа «зашибись». И тебе домашнее задание – подумай, где мы его можем сделать. Очень хочу! У меня никогда не было маникюра.

Целую.

Пиши.

***

Я приехала домой. Дома были мама и тетя Клавдя. Мы

встретились с Николаем, а потом приехал Иннокентий. И мы с Николаем уже не встречались, только по телефону общались.

И я сказала Иннокентию: "Будем разводиться". А Иннокентий бутылку вина поставил, все для ужина приготовил. Но я с ним сидеть не стала, убежала на улицу. Он за мной гонится, я вприскочь. Вошла в милицию. В милиции объяснила все, рассказала, что такие дела. Он туда не зашел. И я убежала к Коле в часть. Про дырку в заборе я помнила.

Потом подала заявление на развод.

Через какое-то время нас развели.

Суд был. На суд пришли его сестры. Они говорили, что он хороший, а я все вру. Они со мной даже разговаривать перестали, а ведь дружили раньше, общались. Марту спросили, хотя она уже взрослая была: "Как ваш папа?" – "А папа пьет водку," – она ответила. А я говорю: "Он изменяет мне, ведет себя плохо, пьет. Денег приносит мало, гуляет с другими женщинами". И нас развели.

Я вышла замуж за Николая, фамилию поменяла. Такие дела.

Квартиру разменяли. Иннокентию комнату, а мы с мамой, Колей и Мартой все вместе поехали в трехкомнатную.

Иннокентия я потом больше и не видела. Только от Марты узнала, что он умер. Ей сестра его, наверное, сказала.

***

Новое сообщение от **Никита**

Мне хочется тебя увидеть и прекоснуться к твоему лицу и прошиптать на ушко как сильно я тебя люблю! Я скучаю по тебе и хочу увидеть снова!

Я тоже скучаю. Ничего, скоро увидимся.

Мы же после завтра встречаемся?

Да. Не могу дождаться, если честно.

И я.

Удалить всю цепочку сообщений?

Сообщение будет удалено.

Удалить.

***

Нежность в глазах отца я видела очень редко. Все же больше не нежность, а тревогу и беспокойство. Помню, мне было года четыре, мы отдыхали в Литве, и я попыталась съесть

поганки. Кто-то из соседей чистил грибы, а поганки выбросил. Но я же была умная девочка, и я поняла, что это грибы, а раз грибы – значит, их едят, и начала есть. Отец увидел – лицо его вдруг стало бледным, это я помню до сих пор. Он схватил меня на руки, затряс и стал выяснять, сколько грибов я съела или не съела. Испугалась я ужасно – не понимала, что с ним вдруг случилось. Зарыдала, заревела, сказала, что не ела ни одного гриба. Не успела. Он постепенно опомнился, перестал меня трясти, и пошел выпил водки. Вокруг бегали мама и бабушка, кричали – как же закуска, подожди до ужина, но он налил себе стопку и выпил. Про грибы им ничего не сказал.

А когда он спился, то я испытывала невыносимую боль. Невыразимую боль. И предала его. Я на суде, когда мама и папа делили площадь, ради понятности и удобства назвала своего отца «Иннокентий Федорович», и глупый гадкий адвокат, выступавший на маминой стороне, тут же отметил при всех, что вот, мол, насколько плох отец, если родная дочь называет его по имени-отчеству. И еще была гадкая сцена, когда мой пьяный отец угрожал маме тем, что ее убьет. Мы вызвали милицию, и мой папа загремел на пятнадцать суток. А потом был товарищеский суд. Мы пришли в какой-то «Красный уголок», где собралась толпа любопытствующих старух, мой отец, обритый наголо после пятнадцати суток, мой папа, которому было под пятьдесят, и который работал ГИПом, главным инженером проекта. Это был позор. Защищали его

моя тетка, его родная сестра, его племянница, теткина дочь и ее муж. Теперь я понимаю, что они были правы. Я не знаю почему, но я чувствовала унижение, которое испытывал мой отец, когда какие-то глупые старухи срамили его и укоряли. И я, его дочь, была на стороне этих гадких старух.

Никогда мой папа не простил мне этого. И потом, когда я приезжала его навестить, и потом, когда я приезжала показать ему Любу, он принимал меня холодно. Он не простил.

***

Привет, мама!

Напиши мне, как там в Берлине и в Дрездене. Очень хочется и туда, и туда. Про Берлин мне говорили, что это чуть ли не самый прекрасный город на свете. Впрочем, мнения расходятся – кто-то от него в совершеннейшем ужасе. Мне очень интересно и очень туда хочется. Так что ты разведай – что там и как.

Сашуня передает тебе приветы. Она молодец. Мы с ней гуляем, и она рассказывает о своей жизни. Все эти истории я слышала миллион раз. Но ведь удивительно – истории слушаешь, но не слышишь. Я стараюсь запомнить хоть что-то, но забываю. Помню, что вот эту историю она мне рассказывала, но подробности ускользают из памяти. А Сашуня все помнит. То есть помнит она прошлое. А в настоящем забывает все. Пять раз с перерывом в пять минут спросила ме-

ня, какой сегодня день. Информация не удерживается. Но спроси ее – в каком платье она была в гостях у тети в 1957 году? и она ответит – в белом в горошек. Юбка расклешенная, чуть прикрывает колено. Рукава фонарик, небольшое декольте. Я, правда, не спрашивала. Но предполагаю. Детали, мелкие детали остаются у нее в голове. А потом: "Люба, дай мне это! Ну это! Ну ты знаешь, что!" Они так с дедом во Пскове разговаривали. А главное – понимали друг друга. То ли это любовь, то ли нежелание выразить и формулировать свои мысли, называть предметы. А зачем? Если тебя и так понимают?

Опять рвется к врачу. То у нее ухо болит – опять там пробка, и уш. рак. ее беспокоит, то сердце прихватывает, или это изжога, не разберешь. Я пойду в поликлинику! – говорит. – Какая поликлиника? – начинаю вопить я. – Вот Марта придет, там и пойдешь в поликлинику. И вообще зачем тебе врач? – Мне надо! – отвечает гордо. И губы поджимает, делает курью жопку. Подозревает, что я смерти ее хочу, в поликлинику не пускаю. А начнешь объяснять про полис и то, что надо в определенную поликлинику ходить – не понимает. То есть вначале делает вид, что понимает, а потом спрашивает снова и снова. Я говорю: пойдешь в поликлинику у Марты. Здесь у меня другая поликлиника, твой полис к ней не относится. – Да, хорошо. Через пять минут снова: Мне надо в поликлинику!

Оооо. Кажется, я устала. Невозможно ее развлекать бес-

конечно. Она хорошо себя чувствует только на улице, но я не могу с ней столько гулять, сколько ей хочется. Ну и по утрам, как ты знаешь, у нее всегда болит голова. Поэтому на улицу она может выйти только к четырем вечера. Но что я тебе рассказываю.

Целую.

Люба.

***

Я всегда любила своего отца. Потом, когда я уже подросла и немного повзрослела, я думала – может, этот бесконечный поиск мужчины в моей жизни и неудовлетворенность существующим – это поиск отца? Здравствуй, дедушка Фрейд. Мама с папой ведь развелись очень рано, совсем недолго прожили вместе. Я так и не знаю, кто в этом виноват: Сашуня говорит, что это бабушка Зинаида, мать отца, которая терпеть не могла мою мать, мама считает, что виновата и она, и бабушка Зоя, которая мама Сашуни, я считаю, что виноваты все. А возможно, им не судьба была жить вместе. Когда папа приходил меня навещать, бабушка Зоя уходила в свою комнату. Не хотела его видеть и с ним разговаривать. А меня, если я что-то плохое делала (плохое по ее понятиям) называла поликарповское отродье. Причем я даже и не понимала в своем детстве, что это что-то плохое. Папа рассказывал истории, папа рисовал. Он обалденно рисовал. Я до сих пор

помню дерево, которое он как-то нарисовал за пять минут. Ну, может, десять. Знаете такие картинки – если на нее внимательно смотришь, то проступает что-то другое? И вот это было дерево-человек. Понятно, что в те времена про энтов никто не слышал, дерево было такое... Не антопоморфное. Просто если долго смотреть, то из кроны проступает лицо, а корни превращаются в руки. А потом это снова дерево, и как будто там никого нет. Такое волшебство.

Я тоже считала себя волшебницей. Папа рассказывал, что были такие люди, которые лечили наложением рук. Возможно, где-то он услышал про целителей, а может, про филиппинских хилеров, но это запало мне в душу. Помню, мы с мамой приехали к нему в гости, а он лежал на кровати и постанывал. Говорил, что не может встать, так у него болит голова. И я подошла к нему, положила ему руку на лоб и ждала, пока ему станет легче, и голова у него пройдет. И он сказал, что ему лучше. Но другие взрослые почему-то засмеялись. Потом, спустя много лет, после того как я испытала это на себе – было в моей жизни и такое – я поняла, что это было просто похмелье. Обычное человеческое похмелье с головной болью, раскалывающейся головой и желанием умереть. Возможно, он и озвучил это желание, и я кинулась его спасать. Потому что как же без него? Как?

И как-то он подарил мне игрушку. Игрушечный медвежонок. Когда мама спросила, как же я его назову, я без тени сомнения ответила: "Лешка". Как еще могут звать игрушеч-

ного медвежонка, подаренного отцом? И потом я с ним не расставалась. Я с ним спала, я с ним гуляла, я с ним завтракала и обедала. Мне кажется, он и сейчас где-то существует. Вряд ли я могла его выбросить.

***

А познакомились мы с Иннокентием на работе. Я тогда чертежницей работала. Захожу как-то в чужой отдел, а он из комнаты выходит. Руку мне подал: "Здравствуй, товарищ!". А рука у него была забинтована: подумала, что бандит, а это у него экзема была. Потом начали встречаться. В институте вечера устраивали, танцульки были. Так все и началось. А потом аборт. Он мне привел... работала она около Финляндского вокзала. И все мне сделала. А потом еще один аборт был. Пришла эта акушерка ко мне домой. А срок был уже четыре с половиной месяца. Мальчик. Прямо в унитаз и вывалился. Мама потом его взяла и бросила в Неву. У меня этих абортков за всю жизнь было... Девятнадцать, что ли. Или восемнадцать? Не помню. А с Иннокентием мы продолжали встречаться. Но жениться он не хотел. В командировки ездили. Он в командировку, я в командировку. И как-то раз собирается он в командировку, вышел продукты купить, и приносят письмо. Я его прочитала. А письмо от девицы, с которой он в командировке спутался. И она пишет: "Иннокентий, дорогой, любимый, бросай свою Сашку, приезжай ко

мне, я тебе мальчика рожу!"

Ну, он вернулся, а я ему это письмо. Он спрашивает: "Как ты можешь читать мои письма?!" – "А это что такое?! – спрашиваю. – Ты с ней там шашни крутишь, в командировках своих, а я тут... Мальчика она ему родит!"

Потом я снова забеременела. И срок уже большой, пузо растет, всем видно. И начали его уже по работе гонять. А он же партийный. Заставили его, наверное, чтоб он на мне женился. И начальник отдела ему сказал: "Женись на Александре своей, а то уволю!". И мы подали заявление в загс. Беременность уже большая была. Ну и поженились. Не сразу, конечно, там подождать надо, пока заявление, пока свадьба. Ой, не хочу даже вспоминать. Такие дела.

***

Мы гуляли, и лежали на траве в парке, и разговаривали, разговаривали. Или разговаривали только, когда шли? потому что целоваться на ходу неудобно? По дороге зашли в какой-то магазин, купили маленькую бутылочку коньяку и шоколадку. Коньяк был отвратителен, шоколадка чуть лучше, но это не имело никакого значения. Целоваться на траве в парке. Потом в метро на эскалаторе. Я всегда ненавидела тех, кто целуется в метро на эскалаторе. Теперь могу их понять. Если им и правда не оторваться друг от друга, а не когда он с видом победителя зыркает по сторонам, не отрываясь от губ

возлюбленной. Впрочем, я понятия не имею, как выглядел в этой ситуации Никита. Потому что...

Я даже не знаю, влюблена ли я. Хотя это глупый вопрос. Конечно, да. Потому что только влюбленность приносит это замирание сердца, и ожидание письма, или сообщения, или смски, или звонка, хотя понятно, что звонить не надо и не стоит. Дрожание ног и рук. Бабочки опять же в животе. Почему, кстати, именно бабочки? И как по-другому описать это чувство томления и ожидания? Слово "похоть" тут все же не подходит. Хотя просится, когда мое буйное воображение начинает разыгрывать эротические сцены. Причем я не исключаю, что представление об этих сценах приносит больше удовольствия, чем будет в действительности. Если будет.

Я вся поглощена своей любовью, влюбленностью, и больше ни о чем не могу думать и не хочу. С другой стороны, во мне сидит некий отстраненный наблюдатель, который подмечает детали, который фиксирует происходящее и подмечает, подмечает.

Никита называет свою тещу мамой. Это наблюдение. Это факт. Я знаю, что они живут с женой с пятнадцати лет. До этого он жил с дедом. Родители – дипломаты, то есть папа дипломат, а мама – жена дипломата. Родители спились. Как можно спиться на такой работе? Да наверное, можно. И он влюбился в свою будущую жену и они стали жить вместе. В таком юном и нежном возрасте. И ее мама не возражала. Папу, предполагая, там никто не спрашивал. И он отвечает на

звонок и говорит: Да, мама. Конечно, мама. Да, обязательно, мама. Я завтра приеду на дачу и все привезу, мама.

Это маленькое наблюдение. Это маленький факт. То наблюдающее существо, спокойное и отстраненное, которое живет во мне, говорит, что он никогда не уйдет от своей жены. Другое существо, страстное, нежное и трепетное, которое живет во мне, говорит, что он уйдет, мы поженимся и будем жить долго, счастливо и умрем в один день. А первое спрашивает – оно тебе надо?

Мы договорились о встрече в пятницу. Он обещал узнать у своего друга насчет квартиры.

***

Ольга Степанова online

Люба: Привет-привет! Я же говорила, что Никита собирается найти квартиру, где... Ну, ты понимаешь. Кто-то из его друзей уезжает на выходные, и... Боже.

Ольга: О, как далеко все продвинулось!

Люба: Ну мы же взрослые люди)))) невозможно все время гулять в парках и целоваться в кафе. Что мы будем делать, когда наступит зима?

Ольга: Как далеко ты заглядываешь в будущее.

Люба: Я не заглядываю. Я боюсь. И я совершенно не понимаю, как далеко это зайдет. Или может зайти.

Ольга: Ну, тут я тоже ничего не могу сказать.

Что ты скажешь дома?

Люба: Дома скажу, что иду на семинар до позднего вечера. Или на курсы повышения квалификации. Или еще что-нибудь. В конце концов, я могу пойти с тобой в театр)))

Ольга: А, ну да. Можешь. Я надеюсь только, что Вовка не начнет мне звонить.

Люба: Я тоже. Поэтому курсы лучше. И выключенный телефон тоже можно тогда объяснить. Главное, чтобы он не забыл и не начал меня искать. Но обычно, когда я поздно возвращаюсь домой, он уже спит. И вот я всякий раз не знаю – радоваться или огорчаться. Я огорчаюсь, потому что он совершенно не беспокоится обо мне. Я, правда, не очень понимаю, как это сочетается с приступами ревности, но это факт. Другие мужья встречают жен у метро, или хотя бы около дома. А мой... Понятно, что если он проснется ночью, а меня не будет рядом, он забеспокоится и позвонит. Но из дома не выйдет. Только за пивом в час ночи может побежать. Но я же не пиво.

Ольга: Чем пиво лучше женщины? (с)

Люба: Ага. И чем огурец лучше мужчины. Мы же знаем, мы же все знаем. Но поджилки у меня трясутся.

Ольга: Не переживай. Все будет нормально.

Люба: Я надеюсь.

***

А ведь мне ничего не досталось от моего отца. Все досталось моим двоюродным сестрам. Любка, глупая, спросила: ты про комнату? Да нет, какая уж там комната. Комната в те далекие времена доставалась государству, а отец никогда не был так озабочен решением квартирного вопроса, как мама. Каким образом в нашей семье, не обеспокоенной материальными благами, вдруг проявлялись такие вещи? Ценность недвижимости неоспорима. Глупость в распоряжении недвижимым имуществом непростительна. Но я говорила не о комнате. Мой отец забрал книги. У папы была отличная библиотека: Шекспир, Гейне, Жуковский, Мопассан, Лесков, Малая Советская Энциклопедия, Гайдар. Потом Куприн. И второй том «Мужчины и женщины». Как Васисуалий, я тайком я его читала. "История искусств" Гнедича, возможно, не 1897 года, но достаточно старая. Меня не интересовала ее материальная ценность, просто это была моя любимая книга. Я многие годы ее читала и перечитывала. Последний раз «Историю искусств» я держала в руках в комнатке моего отца, где он жил после развода с моей мамой. Я притащилась туда с Любкой. Ей было пять лет. Я помню, что попросила папу показать Любе «Историю искусств». Конечно, Любка послушно полистала эту книгу. Больше я не видела этого издания никогда. А сегодня, разыскивая текст об архитектуре, я нашла предложение купить это чудесное «прижизненное издание» и т. д., и т. п. Год издания 1897, переплет тисненый,

цветных иллюстраций столько-то, 136 тысяч рублей. Глаза у меня наполнились слезами.

***

Мой папа всегда мне рассказывал истории. То есть это были не истории, а пересказы. Он пересказывал мне "Крысолова" Грина и легенду о Гамельнском крысолове. Он рассказывал мне "Наследника из Калькутты" и "Пикник на обочине". Фантастику. Мифы Древней Греции, историю про спартанского мальчика и лисенка. Библейские истории. Я уже не помню всего, но все, что он мне рассказывал, я прочитала потом. Я обожала его слушать. Иногда мне кажется, что он что-то додумывал в этих историях, что-то переделывал – но временной разрыв между его рассказом и прочтением книги был так велик, что уличить его и сверить текст не было никакой возможности. Я слушала и слушала и была готова слушать вечно.

В каком возрасте он мне все это рассказывал? Я не помню. А из более глубокого и далекого я помню еще меньше. Вот этого медведя Лешку, и квартиру на Красной с длинным и страшным коридором, вечный запах табака в отцовской комнате. Помню, как года в три? четыре? мама отправила меня к папе с ночевкой, а я в одиннадцать вечера устроила истерику, что хочу домой, к маме. Потрясающее по силе чувство ребенка – "хочу домой к маме!". Вот прямо сейчас,

немедленно, и никакой замены не существует. Нужна мама. Уговоры, слова о том, что время позднее и транспорт уже не ходит. Кажется, я настаивала на такси. Но такси почему-то никто вызывать не стал. Папа был в растерянности и категорически не знал, что со мной делать. Но любая истерика заканчивается рано или поздно.

Кстати, я говорила, что никогда не называла папу папой? Собственно, и медведь звался Лешка только потому, что папу я звала исключительно Лешка. Думаю, что это было модно – называть родителей по имени. Но мама почему-то осталась мамой, а папа стал Лешкой, и бабушка – вначале Сашенька, а потом Сашуня. И вечно всех это сбивало с толку и приходилось объяснять. Маминых подруг я тоже звала по именам. Никаких "тетя Маша" или "дядя Коля". Очень современно. Да что там говорить, даже меня папа не называл моим настоящим именем. Я всегда была Лялька, Ляка – странная производная от Любы. Потом я думала, что это производная от имени Ольга. Или Лариса. Или я не знаю. А может, тут был некий аристократизм, идущий от бабушки с той стороны. А Николая мы будем называть Коко. А Любу – Лялькой. Поэтому я всегда вздрагиваю, когда в Контакте папа пишет мне "Люба". Какая ж я для него Люба? И не Люба я вовсе...

Я совершенно не возражаю, когда Ленкины друзья зовут меня "тетя Люба". Ну а кто я им? Подружка? Еще немного и бабушкой стану. А все туда же...

***

Новое сообщение от **Никита**

Привет! Я должен тебя огорчить. Ну я надеюсь что огорчить. Мой друг с квартирой некуда не уезжает, у него отменилась командировка.

Как жаль! То есть мне не хватает слов, чтобы описать свои чувства.

И мне. Я уже соскучился.

Я тоже.

Но мы что-нибудь придумаем. Когда мы встречаемся в следующий раз? Бабушка все еще у тебя?

Когда скажешь. Бабушка у меня, да, но я разберусь.

Очень скучаю. В пятницу?

Давай в пятницу.

Я тебя хочу.

Я тоже.

Нечего, я найду какой-нибудь еще вариант. Но не гостиницу же тебе предлагать с почасовой оплатой.

Об этом я ничего не могу сказать, в таких местах я еще не была.

У меня есть еще один приятель с квартирой. Он ее сдает, но сейчас вроде жильцы съезжают. Я спрошу. Но в пятницу встречаемся в любом случае.

Хорошо. Целую.

Целую.

Удалить всю цепочку сообщений?

Сообщение будет удалено.

Удалить.

***

Ольга Степанова online

Люба: Это снова я, твоей больной на голову друг. Представляешь, этот приятель Никиты с квартирой никуда не уехал, и у нас все обломилось. Ну что за жизнь, а? И хочешь мужу изменить, а ни черта не получается. Когда нам было по шестнадцать лет, у нас были дома родители, а сейчас дети, мужья-жены и бабушки.

Отвратительное настроение. Просто отвратительное. А потом начнутся месячные, и вообще будет не до секса.

Я просто в отчаянии.

Ольга: Эх тебя разбирает-то, а?

Люба: Лучше не говори. Последний раз такое было и правда чуть не в шестнадцать лет. И хорошо, что это есть снова. А то последнее время мне казалось, что я уже умерла.

Ольга: Завидую, что я могу сказать)))

Люба: Да ладно завидовать! Ты-то как?

Ольга: Ну как я? Вчера мне снова писал мой красавец-однорупник. Спрашивает, когда я могу с ним встретиться. А когда я могу? Я ж все время работаю. Ну почти))) написала ему, что могу через неделю в воскресенье. Он тут же замолчал. Обдумывает, видимо.

Люба: А чего удивляться? У него ж вроде семья?

Ольга: Ну да. И вот он себе думает, как бы ему и со мной встретиться, и не уколоться, и не ободраться. Или как там правильно?

Люба: Да понятно, о чем он думает. Бойтся, как бы крышу

не снесло от встречи с тобой, ясное дело.

У меня вот тоже крышу сносит. Раньше я слышала рассказы о том, как сорокалетние тетки разводятся, бросают мужей, потому что нашли себе молодого любовника. Теперь я их понимаю. Мозг отключается начисто. Секс и желание секса затмевает собой все рациональные соображения. Просто удивительно.

Ольга: Ага. Где-то я читала об этом. Это инстинкт. Последний период размножения. То есть последний репродуктивный период у женщины. И природа делает все, чтобы тетка в этот период размножилась.

Люба: Тьфу на тебя! Я, может, влюблена как кошка, а она мне тут про репродуктивный период!

Ольга: Ну извини. Я к тому, чтобы ты глупостей не надевала. А то у тебя все же муж... дочь, бабушка, мама и свекровь.

Люба: Ну зачем ты так?! Зачем ты мне об этом напоминаешь? Я помню. Я обо всем помню. Сашуня и сейчас за спиной маячит. Хочет что-то попросить. Но напрямую она просить не может.

Вот: " Я бы выпила чаю...". Не "Люба, сделай мне чай" или оторвать жопу от стула и сделать самой. Нет. Она кагбэ намекаэ.

Пошла делать чай.

Крышу постараюсь удержать на месте.

Спасибо!

Ольга: Удачи!)))

***

(расшифровка аудиозаписи)

Любка, привет!

Вчера мы брали Рейхстаг.

Машенька и Виталий отправились в технический музей, а мы в Рейхстаг. Еле-еле доехали, почему-то до центра ехали как попало. Попали в какой-то супермаркет рядом со станцией метро, но цены нам не понравились. Вообще цены в Берлине мне никакие не нравились, подозреваю, моей пенсии там не хватило бы и на неделю. Потом сели в метро, приехали на какую-то маленькую площадь. От этой площади мы пошли как попало и вышли к садику, где совершенно четко я услышала русскую речь. Мама выгуливала своих девочек и разговаривала с ними прямо-таки по-русски. Не задумываясь, я попросила ее показать, где Александр плац, и она тоже, не задумываясь, махнула рукой в нужном направлении. Сели почему-то на другой автобус и приехали на площадь около зоопарка. Там стоял разрушенный готический собор, а около собора продавали чай, гамбургеры и всякую лабуду, которую мы съели, уложившись в три евро.

И все же мы доехали до Рейхстага. Там была очередь, не очень большая. Подъем на вновь отстроенный купол Рейхстага был бесплатным, и проход на него был открыт с 10 утра

до 10 вечера. Мы пристроились в хвост очереди и прикидывали, сколько нам придется простоять. Но тут же к нам подошла молодая высокая женщина в красном пальто и заговорила с нами по-немецки. Увидев наши глупые лица, она перешла на английский. Иваныч что-то понял из того, что она говорила, и мы двинулись от очереди прочь вслед за этой красавицей. Оказывается, она увидела мою палку и предложила нам пройти без очереди. Она повела нас к правому крылу Рейхстага, где находился пандус, явно предназначенный для инвалидов колясок. Внутри нас досмотрели, и мы пошли по коридору в большую комнату. Комната была метров 25, в ней стояло много людей и к тому же там были зеркала, от чего казалось, что эта комната еще больше. И вдруг закрылись двери, и мы поехали. Это оказался лифт!!! Такого размера!!! Любка, ты себе не представляешь!

Мы приехали на крышу. Там нам выдали наушники с коробочкой, объяснили, что экскурсия включается автоматически, и что коробочку тискать не надо. И мы пошли.

Внутреннюю сторону купола обвивал плавно идущий пандус, и как только мы на него ступили, в наушнике у меня заговорило. По-русски. Мужчина говорил о том, какие виды открываются за стеклами купола Рейхстага, где какие флаги, памятники, музеи, виды... Как только текст заканчивался, он говорил: – Теперь пройдемте дальше.– Мы потихоньку брели, пялясь в окна и слушая экскурсию. Экскурсовод в ухе рассказал, как используется дождь, свет и тепло окружающей

атмосферы, попадая внутрь здания, и позволяя экономить на освещении, отоплении... Такова современная архитектура, – возопила я, и Иваныч согласился со мной. И еще нам рассказали о политическом устройстве Германии, и о том, что купол и дырка на куполе Рейхстага являются символом прозрачности политики Германии. Это уже был перебор!!!

– Выпьем за Победу! – сказала я и вытащила из кармана своей прекрасной красной куртки маленькую фляжку с водкой.

Иваныч согласился и отхлебнул. И я отхлебнула. А потом подумала и отхлебнула еще за своего папу, который воевал. И тогда нам стало хорошо. Лучше, чем было до этого. И мы пошли вниз. Внизу посмотрели фотовыставку, посвященную Рейхстагу и его истории. Там было все, даже Гитлер. А вот взятия Рейхстага не было.

Но мы-то его взяли. И от лица и имени всех, кто воевал, и всех, кто живет в России, выпили за нашу победу.

А потом спустились на лифте вниз, набрали у какого-то ларечка рекламных бумажек, сказали два слова с девушкой, которая эти бумажки раздавала и говорила по-русски. Мне показалось, что русский язык и изобилие русскоговорящих людей в Германии – часть покаяния, которое все длится и длится. А про себя я подумала, что я все не прощаю, и не прощаю. Иначе зачем бы я пила на вершине Рейхстага из фляги шведскую водку "Абсолют", купленную в Венеции Машенькой и Виталием?

Больше, Люба, ничего не расскажу, но меня вот это все так переполняло, что я не могла не поделиться. Может, получилось долго, но ты меня простишь.

Передавай привет бабушке.

Целую.

***

А разменять квартиру на Красноармейской мне помог Иван Петрович. Хороший мужчина. Я помню, как мы с ним вместе Марту из детского садика забирали. Встречались после работы и вместе шли за Мартой. Конфеты покупали, в мороженицу ходили. Он ко мне очень хорошо относился. И к Марте тоже. Хороший человек. Ухаживал за мной. В театр приглашал, на концерты мы с ним ходили.

Иннокентий этого не замечал. Всегда занят был, да по своим девкам шлялся. Он старше меня на двенадцать лет был. И я его вначале боялась. Такой... взрослый мужчина. Войну прошел. Он со мной вообще не считался. В грош не ставил. А Иван Петрович меня замуж звал. Был женат, и двое детей у него, но обещал развестись. Партийный, а у них там с этим строго. Говорил мне: Сашуня, я тебя так люблю, так люблю! Хочешь – разведусь? А жена у него больная была. Куда ему разводиться? Да и мама моя была против. Она к нему хорошо относилась. Он ей тоже цветы дарил. Хороший человек. Очень он мне нравился. И Марте тоже.

И вот когда надо было после развода квартиру разменять, он мне и помог выбить ту трехкомнатную в Веселом Поселке. Без него мы какую-нибудь двушку получили бы в хрущевке. А так – нормальный дом, квартира отличная. Он в райкоме работал. Или в горкоме. Связи были, к тому времени уже вес большой имел. И помог мне по старой памяти.

Может, надо было тогда Иннокентия бросить? Не любила я Иван Петровича. Да и Иннокентия... Но думала – а как же Марта? Как же расти без отца? А может, зря я так думала. После этого мы с ним связь потеряли. Теперь я и не знаю, жив он, нет. Но что уж теперь. Хороший человек.

***

– Привет-привет! Ну что, вы уже совсем скоро возвращаетесь?

– Да, мы приезжаем послезавтра.

– Блин.

– Что такое?

– А во сколько вы приезжаете?

– В двенадцать, кажется.

– Блин, блин, блин. Послезавтра у меня на работе семинар, который я никак не могу пропустить. И отпроситься не могу. Придется вам самим как-нибудь. Такси вызовете...

– А Вова нас встретить не сможет?

– Так он тоже работает.

– Ну что делать. Придется на такси. Или Иваныч, скорее всего, меня вообще на метро потащит. Не любит он эти такси. А так бы ты тихо его вызвала, и все.

– Очень жаль, но никак у меня не получается вас встретить!

– Ничего. Ты Сашуню паси.

– О да. Я ее вам привезу в ближайшее время, не надейся. Приедете, очухаетесь, ну и где-нибудь в субботу я ее привезу. Она тоже уже ждет не дождется. У тебя, говорит, я как в тюрьме! А у меня и правда ей из дома не выйти – такая тяжелая входная дверь, да и навернуться там можно. Мы с ней, конечно, гуляем, но это не то. У тебя ж она сама привыкла в столовку ходить.

– Вот. Я уже с ужасом предчувствую все эти столовки и поликлиники. Ладно, не буду деньги тратить, целую. Ты письмо мое получила про Берлин?

– Конечно, получила. Вы с Иванычем молодцы. Целую.

– Целую. Пока.

***

Ольга Степанова online

Люба: Да что же это такое? Мама возвращается из своей поездки ровно в тот день, когда мы снова договорились о встрече с Никитой! И я категорически не успею и то, и дру-

гое. Мама хотела, чтобы я ее встретила. Но не получится у меня. То есть я тоже, конечно, хочу ее встретить, но... Почему все всегда происходит одновременно?

Ольга: Такая жизнь.

Люба: Блин. Придется опять врать и изворачиваться. Скажу, что с работы никак не могу уйти. Пусть такси берут.

Ольга: И то дело.

Люба: Ну правда – а чем я им помогу? Вовка работает, он на машине их забрать не сможет. А я что? Такси им вызову? Такси они и сами могут, ну ведь не маленькие.

Ольга: Да не переживай ты. Ничего страшного. Катись на встречу со своим Никитой. Не факт еще, что этот его очередной друг вам квартиру предоставит.

Люба: Не факт. Ты что, думаешь, что он не хочет? Или он просто врет? *в ужасе*

Ольга: Может, и не врет. Может, все действительно так, как он говорит. Откуда я знаю?

Люба: Вот и я не знаю. Хотя, с другой стороны, вряд ли. Он от меня трясется не меньше, чем я от него. Так что не думаю, что врет.

Ольга: Ну и все. Иди на свою свиданку и не парься.

***

– Ну что, вы доехали?

– Да, все в порядке, Иваныч такси вызвал, догадался.

– Вот и хорошо.

– Как твой семинар?

– Ка... А, этот семинар. Да все отлично, без толку, конечно, но надо туда было пойти, начальство требовало галочку.

– То есть ничего интересного?

– Абсолютно.

– Любка, ты знаешь, пока я ехала из Чехии, у меня появился еще один план.

– ...

– Ну что ты молчишь? Я по молчанию слышу, как ты недовольна. И не вздыхай.

– Какой план?

– Я подумала, что мне еще кроме массажа и ногтей – я тебе писала ведь? – надо еще подстричься и духи.

– Ооо. Мама. Я не могу все сразу.

– Почему ты такая серьезная? Я и не прошу все сразу! Я просто делюсь с тобой своими планами и говорю, что бы мне хотелось!

– Конечно. А я все воспринимаю как руководство к действию и думаю – когда? Ну вот когда, мама, я все это могу сделать, если у меня все расписано, не одним, так другим?

– Я же не говорю – завтра.

– Угу.

– Выходит так, что я тебе навязываюсь.

– Нет, мама.

– Ты не понимаешь. Для меня каждый такой поход –

праздник. Я хочу вырваться.

– Мама, ты только сегодня вернулась из Чехии. Тебе еще неоткуда вырваться. Послезавтра я тебе привезу Сашуню, потом я работаю, а вот через неделю посмотрим.

– Ладно. Ты все запомнила, чего я хочу?

– Да. Я записала. На бумажке.

– Не издевайся надо мной!

– Я пошутила. Извини. Целую.

– Целую.

***

Новое сообщение от **Никита**

Ну как ты? Тебе понравилось вчера?

Да)))) это было восхитительно.

Ты была такая... такая! Надо повторить.

Обязательно и всенепременно!

Я уже скучаю.

Я тоже.

Удалить всю цепочку сообщений?

Сообщение будет удалено.

Удалить.

***

5 пропущенных вызовов от абонента МАМА

– Мама, ты мне звонила. Что-то случилось?

– Да нет, все в порядке, я хотела тебе пожаловаться. Потому что сил нет уже никаких. Сашуня меня достала, она потеряла свой паспорт. Он у тебя, случаем, не остался?

– Нет. Я все документы, которые у тебя забирала, обратно привезла. И паспорт ей отдала. Я точно помню. А зачем ей паспорт?

– А она в поликлинику собралась идти. Без паспорта не может.

– А в поликлинике нужен паспорт? А полис у нее есть?

– Не знаю. Меня это уже не беспокоит. Что у нее есть, чего у нее нет. Пусть делает, что хочет. А то ей Иваныч виноват. Она говорит, что он ее паспорт спрятал.

– Ага. Конечно. Делать ему больше нечего, как ее паспорт прятать.

– Ну вот я ей так и сказала. А она не верит. Губы поджи-

мает и не верит. Мама, что? Что тебе надо? Нет, паспорта у Любы нет. Она его тебе отдавала. И ведь совершенно невозможно – стоит за спиной и подслушивает. Знает, что я ее не вижу. И ходит – тихо-тихо! И я ее не только не вижу, но и не слышу. А паспорт тоже найти не могу. Я ей документы какие-то даю – она даже прочитать толком ничего не может, что там написано, а я и подавно.

– Я приеду к вам завтра и найду ее паспорт. Не беспокойся. Она его куда-нибудь запрятала.

– Все нервы вымотала!

– Понимаю. Сашуня умеет. А в поликлинику-то она зачем хочет?

– Уши у нее заложило. Пробки вынуть. Или еще что-то. Ходит и говорит: «Знаешь, вот это ухо было горячее, а теперь оно холодное. А вот это было холодное, а теперь оно горячее». Я свихнусь. А она хочет в поликлинику.

– О, она и у меня в поликлинику все стремилась. Но я строго сказала – только по месту жительства. Вот вернешься к Марте – пожалуйста, иди куда хочешь.

– Ну спасибо. Вот почему ей вдруг паспорт понадобился.

– Я надеялась, что она забудет.

– Не забыла, как видишь. Ладно, мне уже полегче стало. Я ведь на нее наорала, а потом только тебе звонить стала. Ну а как не наорать, если я ей лично паспорт в руки отдавала?! А она Иваныча обвиняет. Распространила свое барахло по всей квартире. Я же ей выделила места, куда все класть. Но

нет – ее шмотки лежат везде. И на подоконнике, и на столе, и в моем комодe она три ящика заняла. Коробка на шкафу и сам шкаф. Ну вот откуда столько?

– Не жадничай. Пусть делает, что хочет. Паспорт я найду. Целую.

– Целую.

***

А что, мама, разве тебя волнует моя жизнь? Да, об этом я тебе не рассказывала. И об этом не рассказывала. И никогда не расскажу. Ты поглощена собой, мама. Ты звонишь мне каждый день и рассказываешь о себе. Редко бывают хорошие разговоры. О жизни, о любви, о философии, наконец. Нет. Обычно это просто разговоры. Пятнадцать минут, полчаса, час, разговоры ни о чем, выматывающие силы и душу. Зачем ты рассказываешь мне это, мама? Я понимаю одиночество, я понимаю. Но я не могу столько разговаривать ни о чем. И вот Иваныч сходил туда, и он бесконечно пропадает на работе, а мама... Я даже не могу пожаловаться тебе, мама. Потому что я ожидаю услышать в ответ ехидное: а, вот теперь ты поймёшь, каково мне! А мне не надо понимать этого, мама. Я и так знаю, каково тебе. А бабушка жалуется и тоже выматывает душу и силы. Я больше не могу так, мама. Но жаловаться я не буду. Нет. Зачем? Разве жалобы когда-то и кому-то помогали? Я могу только орать. Потому

что твои вопросы нажимают на какую-то кнопку во мне, и начинается цепная реакция. Достаточно слова, звука, да что там – иногда достаточно твоего лица на экране телефона. И я понимаю – сейчас начнется. Идеи, планы, прожекты. Мне бы разобраться со своей жизнью, мама, а ты хочешь, чтобы я разбиралась еще и с твоей. Я не могу так, мама. Не могу.

***

Новое сообщение от **Никита**

О, как я хочу провести с тобой ночь и проснуться утром в одной постели! Видеть тебя, как ты есть – голую, не накрашеную, теплую от сна! Чтобы всю ночь твоя голова лежала на моем плече! Может-быть, мы можем это как нибудь устроить?

Как ты себе это представляешь? На ночь я точно уйти не смогу. При всем своем желании проснуться с тобой в одной постели)))

Скучаю по тебе малыш. Мы же завтра увидимся?

Увидимся.

Только пожалуйста не пеши мне после семи вечера. У ме-

ня жена с работы приходит.

А у меня муж))) не буду писать. Но я тоже скучаю. До завтра.

До завтра.

Удалить всю цепочку сообщений?

Сообщение будет удалено.

Удалить.

***

Когда я была маленькой, папа со мной шутил: всеобщая смазь и дружеская смазь. Всеобщая смазь – это провести по носу сверху вниз. А дружеская – снизу вверх. Раскрытой ладонью. Он был груб, эти смази заменяли ласку.

Сейчас я думаю, что папа просто не понимал, что делать со мной, с девчонкой. С мальчиком было бы понятно – рыбалка, удочки, настоящие мужские развлечения. Почему-то перед глазами стоит фотография – я сижу у папы на плечах. То ли День Победы, то ли Первомайская демонстрация – все довольные, какие-то шарики-раскидайчики за заднем плане. И у папы счастливое лицо. Или мне сейчас кажется, что

счастливого.

Как мало удается сохранить нашей памяти. Как ничтожно мало...

Помню, как мы ехали на Украину на дачу, в Ростов-на-Дону, в поезде, в плацкарте, и я никак не могла заснуть – я всю жизнь спала плохо, кроме медового месяца. Мама, наверное, тоже была там на даче, а может, и в поезде, но я не помню. Мы сидели с отцом внизу на полке, и он рассказывал мне о черте Иван Иваныче. О приключениях этого черта, даже связанных с выпивкой, еще о каких-то его делах. Только потом я додумала, что он рассказывал о черте, который мучил Ивана Карамазова.

Еще помню, что страшно любила, когда он приезжал из командировок. Он всегда приезжал со щетиной. Колючий, небритый, и так приятно было к нему, к этой щетине прижиматься! Даже удивительно.

Помню, когда папа учил меня прыгать в высоту и длину. Потом я довольно прилично для своего роста прыгала. Он привил мне любовь к физическим упражнениям. Помню, с каким удивлением я смотрела на девчонок на физкультуре, которые не могли сделать уголочек.

Папа был самым гостеприимным в мире человеком. Я помню, как мой троюродный брат Вовка, который служил в армии, пришел к нам по групповой увольнительной с десятком ребятами. Я не была уверена, что стол был бы накрыт для всех, если бы дома не было папы. Но... мы накормили

всех. Что нашлось, то и поставили. Я хотела быть такой же красивой, как мама, и такой же умной, как папа. А потом мне хотелось быть самой собой. Но все чаще и чаще я понимаю, что ушла недалеко от своих родителей. Вяжу шляпки крючком и раз в полгода начинаю делать зарядку. Помню, что у отца был друг, который каждый праздник звонил ему из Иркутска. А у мамы был поклонник из партийных чиновников, какой-то аж второй секретарь. А потом все рухнуло. И я не успела получить от папы прощения. А мама счастливо прожила замужем за своим Колей, который ее как всякую женскую душу-Душечку превратил в куркуля-бирюка.

А об отце я ничего не помню. Фотография перед глазами и раскидайчики.

***

Новое сообщение от **Никита**

Извени, я выпил. И не могу удержаться. Как представляю тебя, тепленькую, голенькую, разгоряченную.

Оооо. А жена где?

Жена в гости к подруге ушла. А я не могу.

Понятно.

Мы не можем сейчас встретиться?

Ну как? У меня все дома – и муж, и Ленка. Куда я на ночь глядя сбегу? Хотя очень хочется, конечно. Очень.

Я должен был проверить. Вдруг бы получилось.

Не трави душу. Я и так уже так больше не могу.

И я не могу. Спокойной ночи малыш!

Спокойной ночи!

Очень хочется увидеть тебя хотя бы во сне.

Будем надеяться, что я тебе приснюсь. Спокойной ночи!

Удалить всю цепочку сообщений?

Сообщение будет удалено.

Удалить.

***

Ольга Степанова online

Люба: Олька, привет. Я прям не знаю, что делать. Ужасно хочется развестись.

Ольга: Оооо. Дела идут все дальше и дальше. Ничего себе!
А Никита что говорит?

Люба: А Никита ничего не говорит. Говорит, что любит и скучает. Что лучше меня у него никого не было. А больше ничего не говорит. А, он еще хочет, чтобы я ему мальчика родила. Ха. Вот у него девочка, а он хочет мальчика. Продолжателя рода. А жена ему рожать не хочет больше. И я, если честно, тоже больше рожать никого не хочу.

Ольга: Ну ты подумай тогда, прежде чем разводиться. Он же тебя замуж не зовёт?

Люба: Не зовёт. Я подозреваю, что ему и с женой хорошо.

Ольга: Сколько они в браке? Двадцать лет уже?

Люба: Ну где-то столько.

Ольга: Если они эти двадцать лет как-то вместе прожили, то шанс, что они разведутся, очень невелик.

Люба: Да знаю я. Сама с Вовкой столько же прожила. Столько не живут))))

Ольга: Ничего-ничего. Никита – это временное, уж прости меня. Мне, конечно, не хочется так говорить, но я надеюсь, что ты и сама понимаешь.

Люба: Ну что ты за человек, а? Вечно мне ушат холодной воды на голову выльешь.

Ольга: Да я что? Я ничего)))) я вовсе не хотела тебя оби-

деть, но хочу тебя предостеречь.

Люба: Да я и сама понимаю, что дело безнадежное. Но так, знаешь, хочется чего-то нового и прекрасного.

Ольга: Знаю. Но не уверена, что Никита – именно то новое и прекрасное, которое тебе надо.

Люба: И я не уверена. Хотя трахается он прекрасно. Чёрт.

Ольга: Понимаю))) но ничем помочь не могу.

Люба: И я понимаю. Ладно. Фиг с ним, с Никитой. Разберемся как-нибудь. Ты-то как?

Ольга: Да никак. Пыталась тут встретиться с еще одним знакомым. Он пишет: скучаю, не могу, умираю! Я отвечаю: хорошо. Давай послезавтра. Позвони мне в час, у меня будет обеденный перерыв. Встретимся, кофе попьем. Хорошо, говорит, договорились. Наступает день встречи. Я отменяю все, стремлюсь на обед и встречу. Час, час пятнадцать, звонка нет, я жду. Вечером приходит сообщение: ой, прости, совсем забыл, что мы договаривались. Нормально?

Люба: Однозначно нет.

Ольга: Я понимаю, что ему греет душу, что я согласна с ним встретиться. Но как-то же надо за базар отвечать. Бесит.

Люба: Бесит. Что мне нравится в Никите – так это то, что он не опаздывает. И никогда не забывает про встречи.

Ольга: Да, для нынешних мужчин это – большое достоинство.

Люба: И не говори)))

***

Ольга Степанова online

Ольга: Слушай, я тебя хотела на всякий случай спросить – ты сообщения-то удаляешь?

Люба: Ты думаешь, я ненормальная? Конечно, удаляю! Причем сразу же. Хочется, конечно, куда-нибудь спрятать и сохранить, но я удаляю. А что ты вдруг спрашиваешь?

Ольга: Ну понимаешь... бывают же случаи, когда люди и сообщения не стирают, и телефон потом на виду оставляют. Понятно, что случайно. Но подсознательно, видимо, хотят, чтобы вся их интрижка вышла наружу. И чтобы муж/жена об этом узнали.

Люба: У меня не интрижка!

Ольга: О, извини. Твой прекрасный бурный любовный роман)))

Люба: Конечно, я все удаляю. И телефоны не разбрасываю. Я с ним даже в туалет хожу.

Может, я и думаю о разводе, но не настолько плохо думаю, чтобы доверить это дело случаю.

Это лишняя информация, я считаю.

Ольга: Молодец. Меньше всего мне хочется, чтобы Вовка нашел твою страстную переписку))))

Люба: Ты знаешь, мне кажется, что он и не найдет. Во-первых, у нас в доме не принято читать чужие телефоны. А во-вторых, он в моем телефоне нифига не найдет. И в-

третьих, я все-таки все уничтожаю.

Ольга: Ну и слава богу.

***

– Привет! Ну, я доехала до дома.

– А, отлично. Мы все-таки хорошо с тобой сегодня погуляли, несмотря на дождь. Как Лена?

– Да мама, с Леной все хорошо. Все в порядке.

– Что-то мне не нравится твой голос. Ты сегодня днем была такая веселая, а сейчас что-то не так.

– Да я в депрессии какой-то, в мрачняке.

– Что-то случилось?

– Ничего не случилось. Просто я иногда думаю, не пора ли разводиться к чертовой матери.

– Эээээ... У тебя кто-то есть?

– Нет, никого у меня нет. Почему ты так решила?

– Ну потому что на ровном месте редко надумывают разводиться.

– Нет, у меня никого нет. Просто достало все.

– А Вовка хорошо себя ведет?

– Хорошо. Насколько это возможно. То есть вполне прилично. Но не могу уже. Просто не могу.

– Если совсем не можешь – тогда, конечно, надо разводиться.

– Вот я и думаю. Но еще я думаю, что я тогда буду делать и

где я буду жить. И на что. Ты же знаешь, что я меркантильная сволочь.

– О да. В Пушкине будешь жить. Там Сашунина квартира.

– Ага. И оставлю тебя без денег от квартирантов. Как подумаю – развод, суд, вся эта тягомотина, Ленка опять же...

– Это да. Я как вспомню, как с твоим отцом развелась, а ты потом меня изводила, все спрашивала – где папа, где папа. Я убить тебя была готова. Все нервы мне измотала. Правда, тебе всего три года было, Ленке все же побольше.

– Да ладно, мам. Это все одни разговоры. Нечего даже и думать.

– Ну если разговоры – то ладно. А то смотри. И помни, что я при любом раскладе на твоей стороне.

– Это хорошо. Ой, Вовка с работы пришел. Я с тобой прощусь тогда. Буду ужином его кормить. Целую. И да – Вовка передает приветы тебе и Сашуне. Вова, и тебе привет от мамы! Все, целую.

– Ну давай. Если что – звони. Пока.

***

Свое детство я считала всегда светлым праздником. Стоит произнести слово «детство», и перед моими глазами возникают две большие проходные комнаты. В каждой комнате по два окна, на них колышутся тюлевые занавески, только что повешенные бабушкой. Из кухни вкусно пахнет, а на

столе белая скатерть. Это, конечно, праздник и ожидание гостей. Иногда в памяти возникают веселые праздничные песни, доносящиеся из громкоговорителей с улицы. Красота!!! Я и вправду была счастлива.

Как-то раз я ходила на психологический тренинг. Обычный, самый обычный, связанный с внутрисемейными отношениями. И всем участникам был задан вопрос: "Какими жизненными принципами руководствовался в своей жизни ваш отец? Оставило ли это хоть какой-то отпечаток на вашей жизни?" – Да, – была готова ответить я. – Да, у моего отца были принципы, были взгляды, была жизненная позиция. Я собиралась это озвучить и удрать с тренинга. И я открыла рот. И сказала: "Мой отец пил".

Дальше я сказала то, что собиралась. Отец очень любил повторять два выражения: «Смертный смертному неравен, мерой одной не мерь» и «Человек – мера всех вещей». Пока я произносила эти слова, горло мое сжалось, в носу защипало, на глазах выступили слезы. После того, как я отбарабанила эти папины любимые выражения, я поднялась с места, извинилась и ушла с тренинга. Я шла, хлюпала носом и осознавала. Что главными словами были не папины выражения, а ненароком сказанное мной пояснение, что мой отец пил. В этот момент от меня скрылось все мое счастливое детство с занавесочками, и осталось ежевечернее тяжелое испуганное ожидание, что папа придет пьяным. А он приходил пьяным все чаще и чаще. Он пил все больше и больше. Мой ве-

сельый, спортивный, красивый послевоенный папа постепенно исчезал, а на его месте вырастал полупьяный или совершенно пьяный тупица, сидящий за столом и тупо смотрящий на поверхность стола. Даже сейчас, вспоминая это, у меня в глазах закипают слезы. Я плачу. Не было у меня счастливового детства. Много лет подряд мне снилась старая квартира не с белыми занавесочками майским днем, а подъезд, куда я вхожу и поднимаюсь по разбитым, ломаным ступенькам. В квартире нет света, кругом черным-черно, только на столе в комнате горит огарок свечи. Этот огонек не освещает ничего. И мне страшно.

***

Новое сообщение от **Никита**

Привет! Я могу тебе позвонить?

Нет. У меня муж дома.

Я так хотел услышать твой голос хотя-бы на минуту.

Я тоже скучаю. Но ничего не поделаешь. Звони завтра днем. Я буду на работе, мы сможем поговорить. Может, мы можем завтра встретиться?

У меня завал на работе. Проверка, мне не вырваться. Не завтра, не всю следующую неделю.

Какой ужас. Когда же мы увидимся?

В понедельник. Давай в следующий понедельник. Проверка закончится, я буду свободен. А может, ты сможешь взять день на работе?

Я поговорю.

И мы тогда уедем куда-нибудь. Проведем вместе целый день. Целый день представляешь?

Я даже представить себе не могу)))) попробую договориться на работе. Точно в понедельник?

Я тебе к концу недели скажу точно.

Я тогда отгулы возьму.

Договорились. Люблю тебя.

И я. Пиши мне чаще.

Хорошо. Целую.

Целую.

Удалить всю цепочку сообщений?

Сообщение будет удалено.

Удалить.

***

Бабушка Клава жила в Петергофе. Родная сестра бабушки Зои, мамы Сашуни. Все эти родственные отношения так запутанны, так странны.

У папы были два брата. Филипп и Карп. Они погибли на войне. И я не уверена, но кажется, это были старшие братья. Я ничего не знаю о них.

А у бабушки Зои были старшие сестры: Тоня и Варя. Два брата Николай и Георгий. Клава – младшая.

Бабушка Зоя вышла замуж за Федора Алексеевича, Георгий женился на его сестре Евгении Алексеевне.

У бабушки Тони было четверо детей: Люся, Рита, Тота – Антонина, Георгий, он же дядя Гога. Тота умерла в эвакуации: простудилась и умерла от воспаления легких, а может, от туберкулеза, в 17 лет. Причем ее водили к немецкому врачу.

Клава эвакуировалась вместе с Варварой в Куйбышев. Варвара по дороге умерла от голодного поноса. У нее был сын Игорь, пятнадцати лет, которого, как сейчас говорят, бабушка Клава вырастила, хотя какое там вырастила в пятнадцать лет. В общем, Клава Игорька не бросила.

Когда закончилась война, они остались в Куйбышеве. Игорь женился на тёте Зое – странное и бесконечное повторение одних и тех же имен – и у него были сыновья Вовка и Андрюшка. Но бабушка Клава любила Вовку.

Бабушка Зоя говорила, что муж бабушки Вари, Федор, изнасиловал Клавку. Она такая хорошенькая блондиночка была, миленькая, маленькая. Просто так говорила, между делом и бесконечными своими пирогами.

Когда мне чинили мои глаза, мы в Куйбышеве останавливались у бабушки Клавы. Катали на моторке, у дяди Игоря была. Он мне давал книжки, у него была удивительно хорошая библиотека. Я в больнице читала без усталости, только удивлялись и дети, и врачи.

Потом кто-то встретил в Ленинграде Федора, того самого, вдовца бабушки Вари, которому Игорь приходился родным сыном. И чтобы Вовка мог оказаться в Ленинграде, Федор предложил Клаве выйти за него замуж. И... дай посчитаю... Клава была младше бабушки лет на пять... Я вышла замуж в семьдесят втором... То есть Клаве было шестьдесят лет, когда она вышла замуж за этого Федора. Она тихонечко с ним жила, и если приезжала к бабушке, то приезжала одна. Та-

кого самопожертвования и бескорыстной любви я не видела никогда.

Вовка стал жить у бабушки Клавы, а потом Федор умер от рака. Клава за ним ухаживала. Страшно боялась заразиться раком, и от него и умерла – правда, много лет спустя. Причем рак этот обнаружили уже на последней стадии, у нее ничего не болело. Ее положили в больницу, и через неделю все было кончено.

Вовка женился на Вале, жуткой деревенской бабе, на шесть лет его старше, ни кола ни двора. Андрюха бесновался, устроил даже скандал на свадьбе. Да и Игорь был не рад. Все были потрясены тем, что Вовка выбрал Валу. Сын его умер – был наркоманом. Бабушка Клава очень переживала.

Она пережила бабушку Зою ненамного. А Вовку так и не удалось прописать в той петергофской квартире. Подвиг бабушки Клавы был напрасен – квартира никому не досталась.

Что еще можно сказать про бабушку Клаву?

Добрейший человек, очень мягкий. Когда она сердилась, это было скорее смешно. Да и не сердилась она почти никогда.

Она приезжала к нам на дачу в Литву, и бабушка Зоя в шутку всех спрашивала: Кто из нас моложе – я или она? и конечно, она выглядела лучше и моложе. Бабушка Зоя вообще была красавицей. А у бабушки Клавы к тому времени не было зубов, она их никогда и не вставляла. Мы ее звали Колобком, а потом уже она стала Клавесина.

Я помню, как они вместе с Вовкой приезжали из Куйбышева. На Московский вокзал. Там деревья такие есть, вокруг ствола дерева решетка. Помню, как они стоят на этой решетке под деревом, бабушка Клава и Вовка, маленький, лопухий и смешной.

***

Сашуня живет у меня, и я ухожу в комнату Иваныча, чтобы поговорить по телефону с подругой. Я лежу на кровати с трубкой в руках и наблюдаю, как Сашуня проходит мимо открытой двери из большой комнаты на кухню. Проходит из кухни в большую комнату. Я разговариваю. Сашуня снова появляется в проеме двери, но теперь к ее бесшумной походке добавляются поджатые губы. Если к этому моменту я не прекращаю разговор, то Сашуня начинает действовать. Она больше не появляется, но когда я заканчиваю разговор, она дуется и не хочет разговаривать со мной. Я, раздраженная ее молчанием, спрашиваю, в чем дело, а она отвечает, что пора ей уматываться отсюда, что она всем надоела и, видимо, пора ей туда... На кладбище... После этих слов я взъеряюсь, как укушенная в задницу корова. А Сашуня замолкает, потом мы постепенно начинаем разговаривать, идем пить чай. Все затихает.

Я продолжаю разговаривать по телефону. Сашуня останавливается в проеме двери, ловит произносимую мной фра-

зу и вклинивается в разговор. Я поясняю Сашуне, о чем речь, потом поясняю подруге, что хочет сказать Сашуня. Я работаю переводчиком и предоставляю ненужную и неинтересную информацию своей подруге. Ни задушевности, ни интимности. Все исчезает. Я прощаюсь и вешаю трубку.

Остается только разговаривать по интернету. Тут она ничего не понимает. Но зато каждые пять минут сообщает мне, что компьютер – это очень вредно для зрения. Я нервно ей объясняю, что и так ни черта не вижу, и компьютер – это единственное, чем я могу пользоваться, а книги уже не читаю, потому что текста не вижу. Сашуня на время замолкает. Потом мои пояснения улетучиваются у нее из памяти, и она начинает заново: – Прекрати так долго сидеть у компьютера, это очень вредно!

Сашуня побеждает всегда .

***

Ольга Степанова online

Люба: Я не знаю, что мне делать и как мне реагировать – Никита зачем-то рассказывает мне про своих любовниц. Надеюсь, бывших. Одна из них изрядно ему нервы потрепала.

Ольга: Ну зачем мужчины рассказывают о своих бывших? Чтобы похвастаться? Чтобы пожалели?

Люба: Вот и я не знаю, зачем. Никита рассказывает о романе с некоей Светкой, который продолжался года два, что

ли, и совсем недавно они расстались. Я так и не поняла, почему, если честно. То ли она замуж собралась, то ли он с женой разводиться не захотел, а ее это не устроило. Причем, как я поняла из его рассказов, ни наличие Светки, ни наличие жены не мешало ему параллельно еще крутить с какими-то еще дамами. Я прям удивляюсь.

Ольга: Ну не знааааю... Может, он просто таким образом лечит душевные раны после того романа?

Люба: Может быть. И я ему нужна в качестве жилетки для/от этих душевных ран?

Ольга: Не исключено, не исключено.

Люба: Но он же говорит, что любит. Любит, скучает.

Ольга: Знаешь анекдот?

Люба: Какой?

Ольга: Приходит мужик к сексопатологу и говорит:

– Доктор! Я жену за ночь больше восьми раз не могу!

– ??? А кто тебе сказал, что надо больше?

– Да вот сосед говорит, что за ночь по пятнадцать раз может!

– Ну и ты говори!

Так что говорить, сама понимаешь, можно что угодно. Дурное дело нехитрое.

Люба: Злая ты все же. Я верю.

Ольга: Да и я хотела бы верить, но мучают меня сомнения. Или ты собираешься создать счастливую советскую семью?

Люба: Не знаю про семью. Про развод думала, про семью

– нет.

Ольга: Вот и не думай. Не говоря уже о том, что это будет мезальянс.

Люба: Почему?

Ольга: Ну что ты как глупая. Что значит "почему"? Потому что ты женщина с высшим образованием, возвращающаяся в интеллигентских кругах, а он сантехник.

Люба: Он не сантехник.

Ольга: Ну, менеджер по продаже сантехники. Невелика разница. О чем вы с ним говорить будете, когда ваш безумный секс закончится?

Люба: Ха! О чем говорить! Можно подумать, я с Вовкой о литературе и поэзии говорю. Ага.

Ольга: А что, не говоришь?

Люба: Нет. После двадцати лет семейной жизни о чем можно разговаривать. Бытовуха. Сашуня. Свекровь. Проблемы на работе.

Ольга: Да ладно тебе, я вообще-то пошутила. Возможно, не очень удачно.

Люба: Фиг с ним. Потом подумаю.

Это знаешь как? Вот вчера едем мы с мамой и Сашуней в автобусе. Мы с мамой разговариваем, Сашуню о чем-то спрашиваем. Она молчит. Вопрос повторяется – она молчит. Мама наконец ей говорит: "Ну мама! Ты что, не слышишь, что я тобой разговариваю?" – "Я все слышу, – отвечает Сашуня. – Просто о чем с вами разговаривать?"

Ну вот и мы с Вовкой также. О чем нам разговаривать? Все и так понятно. Он устает, как сволочь, на своей работе. И разговаривать, кажется, способен только в выходные, когда выпьет. Ну а я, как видишь, отрываюсь как могу. Я с тобой разговариваю. А с мужиками-то чего? О чем с ними разговаривать?

Ты-то как?

Ольга: Да я мучаюсь, что можно мужчине подарить на день рождения. Это мне опять мой одноклассник написал. Хочет встретиться. То ли дети на каникулы уедут, то ли что. А у него ДР.

Люба: Я даже не знаю... Подарки мужчинам – вещь немислимая. Галстук? Запонки?

Ольга: Я, видишь, хочу не очень дорогой подарок. Что-нибудь одновременно милое и приличное. Прямо мучаюсь.

Люба: Не знаю, что тебе посоветовать.

Ольга: Ладно. Придумаю что-нибудь. Спокойной ночи!

Люба: Спокойной ночи.

***

Снова и снова я думаю о том, что мне нечего сказать об отце. Все, что я помню, я помню смутно, в дымке, потому что всегда были другие интересы. Только отдельные моменты сохранились в памяти. Вот эта щетина, то, что он любил пиво, которое в те времена было не достать, и любил пиво

с воблой, и учил меня заниматься спортом, и явно был начитанным и образованным человеком (ведь не может быть у неначитанного человека столько книг в шкафах?), и, кажется, в войну он был командиром роты и выжил, единственный из всей роты, и было ранение в живот, после которого его не комиссовали, а снова отправили на фронт – но это такой странный набор фактов, я даже не уверена, что фактов, это странный набор отдельных штрихов, черточек, вымыслов о моем отце, из которых невозможно составить цельный образ. Во всяком случае, постороннему. Но и этот образ с течением времени исчезает из моей головы, растворяется в прошлом, и моя дочь меня спрашивает: а что ты помнишь о своем отце? а я помню только это: щетину, спорт, книги, Вовку с отрядом приятелей, Николай Иваныча, который по странной случайности был моим крестным – да и причем тут вообще Николай Иванович? Я не помню ничего о своем отце. Смутная зыбкая фигура, исчезающая в прошлом.

Он был инженером. Он закончил ЛИИЖТ. Из этого я могу предположить, что на войне он либо строил железнодорожные пути, либо их взрывал. Что он пережил там? Почему он женился на моей матери? Что я знаю о его матери? Не хватает корней. Я завидую аристократам. Они помнят свой род не то что до седьмого колена, но иногда и дальше. Есть записи, есть факты. Вот этот создал состояние, а этот его прокутил. И случилось это в 1516 году. И об этом есть записи в амбарных книгах. Или не амбарных. А тут – все сметено, все

неизвестно, и когда понимаешь, что надо спросить, спрашивать уже некого.

***

Я помню лето в Петродворце. Мы приезжали туда вместе с бабушкой в гости к бабушке Клаве, Клавесине. Клавесина жила в пятиэтажке, на четвертом, что ли, этаже, в крохотной однокомнатной квартире. Балкон, тюлевые занавески на окнах, фарфоровая балерина на телевизоре (господи, я нашла такую же балерину с отбитой головой в Пушкине за комодом и теперь мучаюсь, как приклеить ей эту голову). Кровать, стоящая в углублении комнаты, с пуфиками, подушечками – много-много подушек, одна другой меньше, целая пирамида, закрытая сверху вязаным тончайшим покрывалом, которое вязала Мария Никифоровна или Екатерина Кузьминична? Я бегала гулять во двор, бабушка звала меня с балкона. Как мы все помещались в этой квартире?

Сейчас мне кажется, что все мои родственники женского пола скрывались в квартире у Клавесиной во время своих романов. Туда сбежала Сашуня со своим ненаглядным Колей, туда же бегали мама с папой, а сама Клавесина, вероятно, в это время скрывалась у сестры в Ленинграде. Как они договаривались – без телефонов? С помощью телеграмм?

Мы ходили гулять в парк, волшебный петергофский парк, дворец Монплеизр, фонтаны, пруды, цветы, деревья и насто-

ящий лес. Дворец Монплезир и садик около него были целым миром, гулять там и рассматривать все можно было долго, очень долго. Перед входом в парк продавались маленькие пластмассовые пупсики – не немецкие, а крошечные куколки, у которых вращались ручки и ножки, и мы с мамой шили им платяца. Мама делала мне куколок из мулине – крошечные нитяные куколки полностью помещались в спичечный коробок, который служил им спальней. У них были длинные волосы, как у настоящих принцесс, а жесткость спичечного коробка можно было смягчить ватой и цветами.

Мы приезжали в Петергоф на электричке, потом долго ехали на автобусе, а до парка от Клавесины можно было дойти пешком. Есть мороженое – о, эти прекрасные деревянные палочки и вкус картонного стаканчика, из которого выскребашь последние капли крем-брюле! Сейчас уже не делают такого, это точно.

И фонтаны – волшебные фонтаны с волшебными камушками – никогда не знаешь, из-под какого камня вдруг забьет вода и обольет тебя с ног до головы, и думаешь, что надо наступить на этот камень... или нет... на этот? а может, вон на тот? И в счастье своего детства не знаешь, что вон там, в зеленой будке за кустами сидит мужик и нажимает на кнопку. Вершитель судеб на зарплате паркового работника.

***

Новое сообщение от **Никита**

Как дела у моего солнышка?

Да хорошо дела. Все в порядке. Когда мы наконец с тобой увидимся?

Маленькая моя я делаю что могу. Но с работы не вырваться никак.

Жалко. Может, ты сможешь на следующей неделе?

Я подумаю малыш. Я постараюсь. Я очень тебя люблю.

Я тоже тебя люблю. Постарайся, пожалуйста. Я очень скучаю.

Удалить всю цепочку сообщений?

Сообщение будет удалено.

Удалить.

***

Когда мы приехали после войны в Ленинград, мама по-

шла работать в подвал, в кочегарку – тогда еще углем отапливали. Там до войны была прачечная. Крысы бегали. Мама четыре котла топила, на тачке возила уголь, подбрасывала в топку. А я приходила к ней всегда, приду, посмотрю, покушать принесу или что еще, и смотрю, как она работает.

Из школы ходила – мальчишки провожали меня до дома. После школы с подругой встречалась. А к ее матери приехала сестра, двое детей – такие же как мы по возрасту, девочка и мальчик. Мальчик стал за мной ухаживать. Я иду, и он идет меня провожает. Я вхожу на лестницу, а он за мной бежит, я от него убегаю, дверь закрываю. Такой вот поклонник. Ухажер.

А в нашей квартире, в которой мы жили до войны, на Куйбышева, поселилась баба, в ЖАКТе она работала. Когда приехали из эвакуации, мы ее выгнали. Она украла у нас все папины картины – большие картины были, как в музеях, папа рисовал. Картины не вернули. Папа хорошо рисовал. Он у меня был замечательный, ни пьянок, ничего такого не было. Дед вот выпивал, у бабушки были припадочки эпилепсии. А так много чего еще разворовали. Было пианино, на пианино эта баба ставила чашки, испортила его.

Пианино мы потом продали – я уже не играла. Потому что я забыла, как играть. И мама решила продать пианино. Был один знакомый из дома на другой стороне, он и посоветовал – там жила женщина, у нее три сына, младшего звали Виктор. А старший сын играл на пианино. В их дом и продали –

деньги были нужны. Подружились с Виктором, он меня любил, и я его любила. Ухаживал, приходил ко мне. Даже ночевать оставался, когда в доме были тетя Клавдя и мама. Целовались ночью. Но ничего такого! А потом как-то расстались... Я просто видела, что шел он с другой девушкой по улице, и закончила все эти ходьбы.

А потом... Марта была маленькая, мы снимали дачу. По финляндской дороге уезжали. Приехала машина погрузаться, и идет Виктор. Остановился, посмотрел на мою дочку. Какая у тебя хорошая дочка! – говорит.

Когда я приехала с дачи, заходил ко мне переговорить, и был еще не женат. Но уже был конец всему, я его не простила.

Его мать тоже выходила из дома своего, а моя мама в коляске катала Марту. Говорит маме: "Какие у Саши хорошие девочки, а у Виктора нет!"

Такая вот история.

***

Удивительная штука – простые истории. Вот это вот все: родился, женился, развелся. 17 аборт, он ее изнасиловал, когда ей было шестнадцать, а потом в шестьдесят она вышла за него замуж, чтобы обеспечить своего любимого внука ленинградской пропиской. И всегда это рассказывается просто, а сколько таких историй? И я понимаю, что знаю лишь

малую часть, основной сюжет, даже не сюжет, а фабулу – кратко, пунктиром по жизни, по целой жизни целого человека, а сколько там, за этим пунктиром? Тири-тири-там-там-тирам, тоненьким пунктиром. . .

Мама рассказывает, бабушка рассказывает, прабабушка рассказывает. Все эти истории уместаются в полтысячи слов, редко – в тысячу. И я никогда не знаю, сколько чувств стоит за этими историями. Что думала шестнадцатилетняя Клава после того, как ее изнасиловал муж старшей сестры? Что думала Сашуня после того, как ее нерожденный сын вывалился в унитаз, а потом она нашла письмо от любовницы мужа с обещанием родить сына? Что думала Зоя, когда отправила мужа на фронт, а после этого, чтобы вывезти дочь из блокадного города, согрешила с главным инженером завода?

Иногда я думаю, что ничего. Это мы все такие изнеженные, думаем о морали, возможности – или невозможности аборт, правах женщин, феминизме и черт знает о чем еще. А они? Думали ли они об этом или это была такая норма жизни? Ну изнасиловал. Отряхнулась и пошла дальше. Как и после того аборта – мама вынесла зародыш в Неву, а она отряхнулась и пошла дальше, и родила, и еще семнадцать аборт сделала.

Но кто я такая, чтобы отказывать им в чувствах? И неправда все, что я написала. Просто тогда это было неважно. Но ведь они чувствовали, любили, ненавидели, страдали. И память не хранит об этом ничего, мы можем только

догадываться. И даже тут я могу рассказать только о событиях, но не о чувствах. Я могу догадываться, какими были эти чувства и какими были эти люди, но ничего, ничего не знаю о них, кроме вот этого тонкого пунктира. И хочу ли я знать больше? Я не знаю.

***

– Да, мама.

– Люба, я тут подумала и поняла, что у меня есть еще одно Важное Дело. Я не хочу про него говорить, но оно очень важное.

– Какое?

– Мне надо во ВТЭК.

– Ооооо. И что ты хочешь?

– Я хочу получить первую группу. Я не знаю, зачем, но мне надо. То есть все говорят, что надо. Я бы никогда туда бы не пошла, но мне кажется, что пора.

– Пора. А то окулисты в поликлинике удивляются.

– Про врачей – ни слова! ВТЭК – это вообще отвратительно.

– И что надо сделать-то?

– Для начала надо меня туда записать.

– Хорошо. Я в пятницу съезжу и запишу. А как они работают?

– Чтоб я помнила. Но я выясню.

– Хорошо. Договорились. Целую.

– Целую.

***

Здравствуйте. Меня зовут Люба, и я... Нет. Я не алкоголик. Но мой отец был алкоголиком, мой дед был алкоголиком и мой муж алкоголик. Дед спился и умер – возможно, вовсе не от пьянства, а просто умер. Я не знаю, потому что достоверных сведений у меня нет. Дед, который вовсе не был родным дедом, тоже пил. Но пил не постоянно, а запоями. Причем за пару дней я могла предсказывать приближение запоя. Здравствуйте, меня зовут Люба, я великий предсказатель запоев. Муж пьет все меньше и меньше – если говорить положе руку на сердце. И две банки пива каждый вечер – это просто даже несерьезно. Бывает, конечно, и хуже, и вот тогда и хочется бросить все, всех и уйти в ночь-полночь. Все мужа моей мамы были алкоголиками, кроме последнего. Наверное, что-то изменилось в консерватории, но я совершенно не уверена, что это может относиться ко мне. А менять одного алкоголика на другого, предполагаю, не имеет смысла. Тем более, что первый из них знаком мне уже много лет.

Отец бросил пить и стал аскетом, что, впрочем, не исключает того, что он снова может уйти в запой, а его запои, в отличие от запоев деда, продолжались не несколько дней, а несколько лет. Годы, которые он пил, и годы, которые он не

пил. – А что Лешка? – А Лешка пьет. – А как Лешка? – Да он снова бросил пить. Сейчас он ест овсянку и спит на полу. Понятно, что на пенсию не прожить по-человечески, но ему, подозреваю, это и не нужно. Всю жизнь он метался между аскетизмом, Дао Де Дзин и прочими восточно-философскими мудростями. Причем информацию на эту тему выдавал только в том случае, когда уже был пьян изрядно. Во всех остальных ситуациях он молчал. В лучшем случае – улыбался. Надеюсь, что мудрой улыбкой. Или он думал, что она мудрая. Я не знаю. Я отчетливо помню, как мне было лет пять – про сцену с похмельем я ведь уже вспоминала, да? и мы с ним возвращались откуда-то. Мы зашли в магазин и купили – возможно, купили мне конфет, но вот этого я совершенно точно не помню, а ему – бутылку бормотухи. Потрясающий напиток давних времен, обладающий особым букетом и ароматом. А поскольку выпить это было совершенно необходимо, мы зашли в ближайшую подворотню. Где нас и настиг отряд милиции. Возможно, это была ДНД – в те времена они еще водились. Сейчас всем понятно, что распитие спиртных напитков на улице невозможно и нежелательно, но тогда, казалось, была возможность пить где угодно и что угодно. Конечно, существовали вытрезвители и пятнадцать суток. Я помню времена моего детства, когда отец приходил с бритой головой, а мама спрашивала – это просто так или ты после пятнадцати суток? Потому что ведь выпить и подраться – это же хлебом не корми. Особенно когда умеешь драться.

ся. И вот милиция настигла нас в подворотне и строго спросила: Выпиваем? Бутылка была в руке, отпираться было бесполезно.

Они долго разговаривали. Кажется, я начала рыдать, потому что поняла, что происходит что-то ужасное. И ничего ужаснее в моей жизни до сих пор не происходило – а возможно, не происходило и после. Очень отчетливо помню стыд, тот самый, от которого хочется провалиться под землю. Я в своем нежном возрасте понимала, что Лешка очень пьян. Запах, заплетающийся язык, смешки... Инстинкт самосохранения сработал – драться он с ними не стал. А наверное, мог бы. Менты посмотрели на рыдающую меня и ограничились внушением. Сказали: "Если бы не твоя дочь, мы бы тебя забрали. Скажи ей спасибо".

И ушли.

Но все это ничего не отменяет. Ни моей любви к отцу, ни его любви ко мне. И я думаю и думаю, и мучительно думаю: как же Ленка? Как она переживет, если вдруг я задумаю развестись с ее отцом? И даже если я задумаю это не вдруг, а очень осознанно. Ведь она любит отца – точно так же, как я любила и люблю своего. Это чувства, от которых никуда не денешься. И еще я надеюсь, что она не выйдет замуж за алкоголика. Ведь должен же хоть на ком-то разорваться этот порочный круг мужей-алкоголиков и их жен.

***

Ольга Степанова online

Люба: Блин, он мне продолжает рассказывать про своих бывших. Как они ему на шею вешались и сниматься оттуда не хотели. Я с интересом слушаю, конечно. Если только он не начинает распространяться о том, как он их трахал. Хотя это тоже интересно, конечно. Но я прям не знаю, что и думать.

Ольга: Да ничего не думать. Просто он бабник. В школе он, правда, таким не был, а потом, похоже, все ему вешаться на шею стали. И избаловали вконец. Не был он обделен женским вниманием, не был.

Люба: А жена что?

Ольга: А жена, по слухам, тоже нашла себе любовника. Счастливая семья, сама понимаешь. Образец для подражания.

Люба: С одной из бывших он до сих пор встречается. И я уже начинаю думать, такая ли она бывшая, как он говорит. Не знаю.

Ольга: Тут я тебе ничего сказать не могу.

Люба: А вчера начал рассказывать, какая прекрасная девушка к ним на работу пришла. И умница, и красавица, и взгляды на него пламенные бросает. Скромно, конечно, но поглядывает. А он страдает – прям не знает, куда деваться. И как бы ей помягче сказать, что он дважды занят – и жена у него есть, и любовница. Я, понятное дело, сочувствую, но

слышать все это чертовски неприятно, сама понимаешь.

Ольга: А лет ей сколько?

Люба: Он говорит – под тридцатник. Молодая, красивая. Правда, замужем и ребенок есть. Но ведь когда это кому мешало?

Ольга: Это да – никогда и никому. Держись там.

Люба: Да я постараюсь. Но что мы все обо мне да обо мне? Ты как? Нашла подарок?

Ольга: Я подумала, что книга – лучший подарок. Только теперь надо решить, какая книга. Впрочем, в ближайшее время наша встреча не состоится. Он уезжает в Израиль в командировку, дела у него там какие-то. Спрашивает, что мне привезти в подарок))) Представляешь?

Люба: Ну и что ты ему сказала? Кольцо с бриллиантами, я надеюсь?

Ольга: Ну нет, конечно. Я ему сказала, чтобы привез что-нибудь на свой вкус. Рискну на него положиться))) Привезет мне прекрасное. Не кольцо, но... если уж он меня типа добивается? И любит много лет? Или не любит, а думает, что любит.

Люба: Любит, конечно. Если он на одно свидание полгода собирает, жену на курорт отправляет, чтобы с тобой встретиться.

Ольга: Ну, жену-то он на курорт отправил, а со мной так и не встретился.

Люба: Ну что ты будешь делать? Нет в жизни счастья.

Ольга: И не говори.

***

2 пропущенных вызова от абонента МАМА

– Люба, я не могу, они отказываются есть то, что я готовлю. Я стараюсь, провожу полвечера над плитой, а иногда и целый день, а они отказываются жрать. Понимаешь? Сегодня я сделала салат, мясо, яйцо, немного зелени, что-то еще – а Иваныч пришел с работы и сказал, что он ЭТО есть не будет. Из интернета им любой рецепт вытащи и намешай – они съедят. А то, что я приготовила – не хотят.

– Так ты им скажи, что это из интернета.

– В интернете название есть.

– Придумай название. В чем проблема? Ведь у всего должно быть название. Даже у салата.

– Легко сказать. Вон Иваныч шуршит, мясо теперь себе жарит. Я его приправой посыпала – он кусок стал мыть. С криком – зачем ты его посыпала. Убью всех на хрен.

– Получается так, что то, что ты готовишь, не ест либо Иваныч, либо Сашуня.

– Ну да. Сашуня вообще предпочитает в столовке питаться.

– Конечно. Там вкуснее. Когда она у меня была, я котлеты жарила. Причем я сама и фарш делала, и все. Отличные котлеты. Но мы идем с ней в магазин, и она все рукой тянется

к магазинным котлетам. Я говорю – дома же есть! Но она не хочет. Ей магазинные нужны.

– А вчера? Те же истории. Ей ведь надо есть каждые два часа, иначе у нее голова начинает болеть, изжога, черт знает что. Но она не помнит. Я ей сделала бутерброд с колбасой, она на него посмотрела, есть не стала и скорбно так произнесла: ну что же... В блокаду было хуже. Можно подумать, я ее тут голодом морю! Это надо было мне такое сказать! И главное, всякий раз вспоминает – к слову и не к слову.

– Ну, она знает больные места и на что надавить.

– Угу. Я поражаюсь. Вот кажется – не соображает ничего, а как что-нибудь скажет – так в точку попадает. Ты вот не бесишься по поводу еды.

– Да, еда меня не сильно беспокоит. Я ей всякие творожки покупала, ватрушку ее любимую – так всегда была уверена, что есть что пожрать. Поэтому меня не беспокоило. Она, если хочет меня достать, про квартиру в Пушкине начинает вспоминать. А вот там было такое пальто... С меховым воротником... Ты его видела? – Да, говорю, видела. Я вынесла его на помойку. Как? Как ты могла вынести на помойку хорошее пальто? – Сашуня, этому пальто лет двадцать! – Нет, отвечает мне Сашуня. Его мне Коля купил, когда мы только поженились. Ты понимаешь? Этому пальто не двадцать, а тридцать лет! Его съела моль. Его только бомзам на помойке носить. Но как я могла его выкинуть! И, конечно, я завожусь. Начинаю орать, что я из квартиры вывезла и вынесла

мешков тридцать этого барахла, а она мне – это не барахло! Ну конечно, не барахло. А я преступница. Как я могла так поступить.

– Правильно все сделала. Вынесла – и молодец. Чего говорить. Мама, что? Что ты хочешь? Ну вот, опять. Говорит, что мы опять про нее. Ну что за эгоизм? Почему я не могу спокойно поговорить по телефону? Нет, мама, ты сама уби-рала свой полис. Нет, я не знаю, где он. Поищи у себя в сум-ке, ты же вчера ходила с ним в поликлинику. Нет, мама, мы говорим не про тебя. Вот, опять. Тайны Мадридского двора. Все у нее тайны Мадридского двора, и все про нее. Ну, ты нашла полис? Слава богу. Нашла.

– Ладно, мама. Ищите там свои полисы. Целую.

– Целую. Звони мне завтра!

– Я завтра поздно приду.

– А куда ты идешь?

– Я с подружкой иду в кино.

– А на что?

– Мама! Я не помню. Какой-то хороший фильм, но я не помню, как называется. Целую.

– Ну, не хочешь говорить – не надо. Целую. Позвони, ко-гда придешь.

– Все, пока.

– Пока.

***

Новое сообщение от **Никита**

Привет малыш! Кажется у меня хорошие новости.

Какие?

На следующей неделе у меня будет свободный день. Ты сможешь отпроситься?

Я постараюсь. А что, есть шанс, что мы...?

Есть.

Да ты что!

Я постараюсь все организовать.

Постарайся! Я жду с нетерпением.

Я очень скучаю по тебе.

И я.

Люблю тебя.

Целую)))

Удалить всю цепочку сообщений?

Сообщение будет удалено.

Удалить.

***

– Ну привет! Я записала тебя во ВТЭК. В следующий понедельник поедем.

– И как оно? Без проблем?

– У меня без проблем. Но как туда люди добираются – я не понимаю. Часы работы, которые мы хотели узнать по телефону, вывешены на двери кабинета мелким шрифтом, как ты понимаешь. Чтоб видели все. Я с трудом их обнаружила. Сам ВТЭК во втором дворе. Там еще кодовый замок, но я вместе с кем-то проскочила. Дверь не найти. Вывески нет. Это просто пипец. Справочного нет, администратора нет, коридорчик маленький, но стульчики есть. И даже туалет есть. Это несомненный плюс.

– Но заявление-то ты написала?

– Ну да. Народ подсказал, слава богу. Одна дама сказала, что она третий раз приезжает. Первый раз не смогла заявление написать. Второй раз, видимо, тоже не смогла. Но я быстро все сделала – всего за полчаса. И хорошо, что я

твой паспорт взяла, иначе пришлось бы ехать еще раз. Нет слов у меня, в общем. Посадили бы они туда хоть девочку какую-нибудь, что ли, чтоб она помогала.

– Ага. Девочка будет там заявления писать за зарплату в пять тыщ рублей. Не надейся.

– Угу. Им и посадить ее некуда. Дурдом какой-то. Зато я узнала рецепт панацеи. Тетка в очереди рассказала. Говорит, лечит глаукому. Я тебе сейчас прочитаю: "Стакан дождевых червей (насобирать или накопать) промыть, уложить в кастрюльку слоями, пересыпая сахаром и томить в духовке при невысокой температуре. Когда жидкость отойдет, остудить и несколько раз отфильтровать, пока она не станет прозрачной. Прозрачность жидкости – обязательное условие. Закапывать по одной капле 2 – 3 раза в день в течение двух недель. Через неделю лечение повторить. Если улучшение будет незначительным, лечение повторить, но червей пересыпать не сахаром, а солью".

– Да знаю я этот рецепт. Мне его еще в больнице в Куйбышеве рассказывали.

– Ну и как?

– Без понятия. Народ хвалил, говорил, хороший рецепт. Но я попробовать не рискнула. Любка, я не хочу ехать во ВТЭК.

– Ну вот, начинается. Только я тебя записала, а ты не хочешь.

– Ты просто себе не представляешь. Они меня десять лет

мурыжили, пока вторую группу не дали. Столько унижений. И так относятся, как будто я им вру, что не вижу ни черта. Смотрят, как на насекомое. И относятся так же. Омерзительно. Настроение уже сейчас гадкое, и всю неделю до этого ВТЭКа будет такое. Отвратительно. Не хочу туда ехать.

– Блин, я теперь тебя еще уговаривать буду, что ли? Мы с тобой год собирались это проверить, а теперь ты отказываешься.

– Не отказываюсь я. Просто очень уж противно.

– Мама, ну что делать. Надо.

– Ладно. Я придумала. Мы с тобой потом сходим в ресторан. Вне зависимости от результата. А я буду думать, что еду не во ВТЭК, а с тобой в ресторан. Вот. Мне сразу стало лучше.

– Слава богу. Целую.

– Целую. Вечером созвонимся.

– О боже. Хорошо, вечером созвонимся. Пока.

– Пока.

***

Когда я была совсем маленькой, мне подарили... Вот даже тут я пишу "мне подарили", а не "папа мне подарил" того самого медвежонка, Лешку. Я с ним не расставалась. Мне было лет пять или шесть, папа в те годы работал в Эрмитаже. Чтобы никто ничего не подумал – нет, не искусствоведом, не реставратором, он работал там электриком. И ино-

гда брал меня с собой на работу. Работа была в непарадной части Эрмитажа – крыши, переходы, подвалы. Эрмитажные подвалы... Длинные, сырые, водопровод и канализационные трубы. Люди, которые сидят там и пьют чай. Дамбы в те времена еще не было, поэтому подвалы периодически затапливало. Но об этом я знала только по рассказам. А крыши! Это сейчас можно залезть на любую крышу без проблем – или с проблемами, но решаемыми. А в те времена... Стратегически важные объекты, никаких крыш, никаких полетов. Поэтому, когда я попала на крышу Эрмитажа... Понятно, что я боялась свалиться, но, поскольку я была с папой, я этого не боялась вовсе. Был виден весь город. Принято говорить – как на ладони, но это ведь правда так. Крыши, море крыш, купол Исаакия – совсем близко, только руку протянуть, колесница на арке Генерального штаба. Мы с отцом тогда поспорили. Он говорил, что крест только один – у ангела на Александрийском столпе. А я говорила, что у обоих ангелов по кресту, просто мы стоим в таком месте, где оба креста сливаются в один. Я выиграла, конечно. И только сейчас я подумала, о каких странных вещах мы спорили.

Бабушки-служительницы залов узнавали меня и называли "девочка с медведем". Думаю, что мы с папой были колоритной парой. Как-то раз нам даже предложили сниматься в кино. Я до сих пор помню об этом и иногда думаю, что моя жизнь могла бы сложиться по-другому, если бы отец согласился. Но он отказал. Сумасшедший мужик на станции "Ма-

яковская" подошел к нему и представился: "Я режиссер, я снимаю фильм, и вы как раз подходите – вы и ваша дочь! Не согласились бы вы сниматься?" Но отец отказал, сославшись на отсутствие зубов. С зубами и правда всегда были проблемы – ленинградская вода, ничего не поделаешь. А история о том, как он положил свою вставную челюсть в чей-то почтовый ящик! Пьяный был, конечно. Иначе зачем бы он это сделал? На следующий день Невзоров в "600 секунд" рассказывал: "Удивительные вещи находят жители нашего города вместо писем и открыток".

И, конечно, история про шестиногого крокодила, одна из самых моих любимых, тоже эрмитажная. Когда пьяная компания электриков, сантехников и прочих работников не высшего звена собралась за рюмкой чая в тех самых подвалах и зашпорила – кто же в мире бежит быстрее всех?

Эрмитажные подвалы должны были бы быть тем самым местом, в котором собирались всякие диссиденты – но упоминаний об этом я никогда не слышала. Как будто этого не существовало вовсе, или же в подвалы крупнейшего российского музея таких людей не пускали? А пускали только в кочегарки? В любом случае, собирались там люди интеллигентные. Не все, конечно, но большинство с высшим образованием. И вот спор: кто же бежит быстрее всех?. Один говорит: "гепард", другой – "антилопа", третий – "слон", а четвертый, в моих воспоминаниях похожий на Промокашку из "Места встречи говорить нельзя", утверждает, что крокодил.

Народ удивляется, спрашивает, почему же это. На что Про-мокашка, без тени сомнения, отвечает: "А потому что у него шесть ног". С тех пор его звали Шестиногим Крокодилом.

Память не хранит ничего, все забывается, все. Только такие отдельные события, штрихи, факты. До того, как папа стал бриться наголо, он ходил с длинными вьющимися воло-сами. Я всегда мечтала, чтобы у меня были такие же, но не получилось. Длинные вьющиеся волосы, небольшая борода – в детстве я была уверена, что Иисуса Христа рисовали с него.

***

Как я не хочу ехать в этот ВТЭК. Любка меня записала, ехать через неделю, а у меня неделю уже депрессия, причем такая, что жить не хочется. Это же просто ужас. Как я их ненавижу. А ведь раньше, пока мне не дали 2 группу, на-до было каждый год к ним ходить на переосвидетельствова-ние. И смотрят на тебя эти врачи как на последнюю мразь под ногами. Как будто мое зрение за год могло кардинально улучшиться. Но проблема в том, что за последнее время оно кардинально ухудшилось. И пришло время получать первую группу инвалидности. Смысла в этом действии я особо не вижу – прибавка к пенсии? домик в Яппелях на базе улуч-шенный? Смысла нет. Но все знакомые и друзья говорят, что надо делать, ну что ты сидишь. А я не хочу первую группу.

Я хочу видеть, как раньше. Не скажу – видеть все, потому что этого не было никогда, но хотя бы как раньше, когда я еще могла самостоятельно передвигаться по городу, разглядывать улицы, крыши, дома, иногда даже машины и в самом прекрасном случае – людей. Но людей я не вижу уже давно, я ориентируюсь на голос. И Сашуня прекрасно этим пользуется. Как она подкрадывается ко мне! И ведь знает, что я не вижу, но она подкрадется и тихо встанет за спиной. Я начинаю разворачиваться – и понимаю, что она стоит. А завершить движение, остановиться – я не могу, и я ее задеваю. Начинаю орать. Но, похоже, она и правда не понимает. Она вспоминает о моем плохом зрении, только когда это ей удобно. А в остальных случаях она делает вид, что не помнит об этом. Ходить вместе с ней на улицу я не могу. Мы так пытались с ней один раз проехаться в трамвае. В трамвай она меня завела – и исчезла. Бесшумно, как всегда. И я стою и не знаю, куда мне идти, куда мне двигаться – садиться или остаться стоять, и вот так минут пять тишины. Потом она начинает орать на весь вагон: Марта! Марта! Иди сюда! А куда сюда – хрен его знает. Добрые люди подхватывают меня под локоть и направляют к маме. Уууууу! Как я это ненавижу! Весь вагон смотрит на меня, как на полную идиотку, потому что почему-то люди считают, что если человек не видит, то он идиот. Что плохое зрение коррелирует с умственной недостаточностью. Ненавижу. Я сажусь и начинаю говорить: Мама, ну ты же знаешь, что я не вижу. Не бросай ме-

ня посреди трамвая, пожалуйста! – Да что ты! – говорит она с неподдельным удивлением, как будто слышит о моем плохом зрении первый раз. – Я просто пошла занять нам места! Весь вагон прислушивается к этому диалогу.

***

Еще у меня был дядя Гога – мамин брат, и тетя Женя, его жена, и у них была дочка Нинка. Нинка любила меня пугать всякими ужасами и рассказывать страшные истории. А еще она играла на пианино, но как только ее родители уходили из дома, она бросала играть и убегала на улицу. А потом и я стала заниматься музыкой, и тетя Женя пугала Нинку: "Смотри, Сашуня тебя скоро обгонит!"

Но потом началась война, и с музыкой я закончила. Мы с мамой уехали в эвакуацию, а дядя Гога и тетя Женя с Нинкой остались. Вначале они жили на Удельной, у маминой сестры. У мамы моей было много братьев и сестер, не только тетя Клавдия и дядя Гога. Тетя Женя в блокаду работала в каком-то милицейском городке поварихой. Они не голодали. Но с нами не делились.

Потом с Удельной дядя Гога с тетей Женей переехали на Петроградскую, в квартиру профессора, который эвакуировался вместе с женой из Ленинграда. Мы с мамой вернулись из эвакуации осенью сорок четвертого, и мама отправила меня пожить у дяди с теткой. Я носила еду в бидоне из сто-

ловой, где работала тетя Женя. С дядей мы пилили дрова и носили их на шестой этаж. Мне было семнадцать лет тогда. Музыкальное образование я получить не смогла, а Нинка получила. К ней на дом учительница ходила. Тетя Женя ее подкармливала, и она с Нинкой музыкой занималась. Потом они переехали на Васильевский остров. После окончания музыкального училища Нинку распределили в Симферополь, и они все уехали туда.

Потом я ездила в Ялту в санаторий, и под конец написала открыточку дяде и тете: "Если вы хотите меня видеть, то я могу заехать к вам по пути домой". И они меня пригласили, я приехала. Они жили в маленьком домике, но у дяди был виноградник. И он держал пчел. Я спала на матрасе на полу.

Дядя Гога умер в Симферополе, Нинка вышла там замуж, и они все вернулись в Ленинград.

***

О боги. Это состоялось еще раз. Наши прекрасные романтические встречи – не просто встречи, в них иногда все же случается секс. Как трудно двум взрослым и совершеннолетним людям, связанным, правда, определенными обязательствами, найти место и время для секса! Я никогда не думала, что это так сложно. Никита нашел гостиницу. Ну, знаете, из тех, что сдаются на час. Или на два. Или на три. Как положено романтику, он купил бутылку вина и фрукты. Прекрас-

ная закуска. Особенно если человек не знает, как я люблю пожрать. Но бутылка вина на двоих – это практически несерьезно, так что закуска в виде бананов и яблок была очень кстати.

Но сама гостиница. Боги мои, боги. Я просто никогда до этого не была в таких местах. Я не знаю, кто здесь встречается и зачем, то есть это как раз понятно. Мне вспомнились сразу самые страшные американские фильмы – в которых показан не прелестный придорожный мотель, а притон. Обрюзгший портье за грязной стойкой – ресепшеном это язык не повернется назвать, – таракан в туалете, порскнувший за унитаз при моем появлении. Белье – есть подозрения, не первой свежести. Но это все неважно.

Описывать секс я не возьмусь. Дело это неблагодарное. «Он обнял ее, они слились в одно целое, и все заверте...» Примерно так и есть. Одежда летит в разные стороны. Странно, да? Не существует образа секса в голове. Знания о сексе основаны на фильмах. "Девять с половиной недель". Помню, что все мои молодые люди пытались с удивительным упорством воплотить сцены из фильма в жизнь. Получалось плохо, надо сказать.

Здесь, в этой гостинице, с этим бельем, тараканами, столиком, к которому прилипают пальцы, комом пыли в углу и плесенью в душе – впервые в моей голове во время секса зазвучала музыка. Возможно, что-то похожее испытывают люди под кайфом – я не знаю. Но музыка звучала, и гитара от-

бивала ритм, и это было в такт и прекрасно. Экстатическое ощущение.

Впрочем, кончить мне не удалось. Но мне это никогда не удастся, если я чувствую то, что чувствовала там. Впрочем, оргазм ведь не главное, правда?

***

А иногда, ночью, я слышала разговоры на кухне. Мама и бабушка давно спят, а я не могу заснуть. Отголоски, отзвуки...

– Слушай, ну давай не будем об этом вспоминать!

– А что не вспоминать? Сколько раз зарекались, и все без толку. Ты ж сам и начинаешь.

– Тогда выпьем.

– Выпьем.

– У тебя сколько?

– У меня девятнадцать. Ты же знаешь.

– А у меня... Я и не вспомню, сколько. Но больше. Надо посчитать.

– Ты ж понимаешь, есть разница. Одно дело в ближнем бою, когда он на тебя прет, а другое дело – когда ты его лицо за шестьсот метров видишь, и как он себе нос почесал.

– Ну да, ну да. Совсем по-другому. Я ж не спорю.

– А вот сейчас смысла нет. Я и не знаю, как дальше. Жена моя уехала, а эти все... Была тут одна – красивая-чудесная, а

я утром встаю и думаю: ну зачем это все? Какой смысл? А у тебя есть ради чего. Жена, дочь. Все для них ведь делалось.

– Выпьем.

– Наливай.

– Но ведь из головы-то не выходит. У нас вся рота... 46 человек. Трое остались инвалидами, еще двое в госпиталь попали. И я. Я бы этих штабных перестрелял всех до единого. Сами не знают, куда, а посылают. Суки.

– А я... свои два ордена Красной звезды, как получил, в озеро выбросил. Ну, после всего. Вспоминать не хочу, и чтобы они мне напоминали – тоже не хочу. Чтобы не маячили.

– А нас с парашютами сбрасывали. А потом бежишь, а потом лежишь с биноклем. Я так по восемнадцать-двадцать часов, бывало, лежал.

– А я комбату ногу отрубил. У него гангрена уже начиналась, а до госпиталя было не довести. Он говорит – руби давай. Похеру, что инвалидом. Я жить хочу. Водки в него влил, сколько было, и рубанул.

– Не хочу вспоминать. Девятнадцать человек, глаза в глаза. А потом у меня парашют не раскрылся. Думал, все, конец, но выжил. 24 перелома. Отлежал в госпитале, снова пошел. Только зрение упало.

– А мы мосты взрывали. Сколько поездов... все это рушится, ломится, вагоны падают и падают. Сколько там человек было – я и не думал никогда. Потому что об этом лучше не думать.

– И не вспоминать.

– Я никогда и не вспоминаю. И не рассказываю. Берегу.

Зачем им все это знать?

– Не вспоминай. Не надо.

– Выпьем.

– Выпьем.

***

– Люба, я не знаю, что делать. Сашуне плохо.

– В смысле – плохо?

– Ну она вдруг стала плохо говорить, и ведет себя как-то странно. Слова забывает. Видно, что все понимает, а сказать не может. То есть говорит, но какую-то ерунду. Я ее сегодня утром спрашиваю, что она будет к чаю, а она говорит "сухлый ежик". Сама смеется, потому что понимает, что что-то не то сказала, а по-другому сказать не может.

– А сухой ежик – это что?

– Это сухое печенье. Такое, обычное песочное печенье с сахаром. Почему оно превратилось в сухлого ежика, я не знаю. И я боюсь.

– Чего ты боишься?

– Я подозреваю, что это инсульт.

– Хм... Может быть.

– Ну и что делать?

– Может, вызвать скорую?

– Скорая не поможет ничем. Они ее в больницу увезут сразу же.

– Блин, я не знаю. Ну давай я по интернету посмотрю. Можно же вызвать врача на дом. Только какого врача нам надо вызвать?

– Невропатолога.

– Ага, я нашла. Вот тут есть – невропатолог, выезд на дом. Они и по скорой могут отправить, если что. Давай я тебе телефон скажу, а ты позвонишь. А то я в маршрутке.

– Хорошо.

– Ну что? Вызвала?

– Вызвала. Они сказали, через час будет невропатолог.

– Ничего себе.

– Люба, давай ты ко мне приедешь. А то я ж не вижу ни черта, как я буду записывать все эти врачебные рекомендации?

– Хорошо, я сейчас тогда выйду, на другую маршрутку пересяду и где-нибудь через час, как невропатолог, буду у тебя. Целую. Жди.

– Давай. Жду.

***

Приехали в колхоз под Мучкапом, в дом дядьки тети Вари, и там жили. На нас приходили все смотреть, мы как щепки были. Тряпки мы с собой привезли – на еду менять, все

тоже смотрели, не покупали, но кормили. Молоко там. Вчетвером спали на печке, а хозяйева спали на полу на соломе – дядя Яша, его жена и дочь. У дочери был маленький ребенок, девочка. Она спала в подвешенной люльке. Однажды ночью хозяйку укусила за нос крыса.

У нас у всех, когда мы приехали, был голодный понос. Без конца бегали в сенцы. Как идти ночью в туалет, надо было слезать с печки и в коридор идти. А дверь не открыть. Мы стучим-стучим, но никак. Хозяйка придет, ногой каааа-ак даст по двери! и откроет. А у нас силы не было никакой – я ее толкаю-толкаю, и никак.

А около печки стоял перевернутый ушат с дырой под ним, там была земля и жили лягушки. Зимой перед поземкой они начинали квакать. У хозяев была примета: лягушки квакают – к поземке.

Дядя Яша, у которого мы в эвакуации жили, работал на конюшне. Это за полтора-два километра от дома. Однажды он возвращался домой в поземку и заблудился, пошел не в ту сторону. Когда все же дом свой нашел, то пришлось дверь откапывать – до крыши снегом завалило. Однажды дядя Яша на собрании в колхозе сказал, что Сталин рябой. Дядю Яшу забрали, больше его никто не видел, и вестей от него не было. Его жена и ребенок в люльке остались одни.

Мы меняли тряпки, которые с собой привезли, на зерно. Зерно, пшеницу мололи жерновами. Колхоз назывался "Победа" – деревня из одной улицы, дома по одну сторону.

Ближе к весне переехали в заброшенный дом. Там была русская печка, которую мы топили. Я ходила к колодцу за водой и носила ведра на коромысле. Летом мы взяли огород и посадили картошку. Мама устроилась работать в детский сад, заведующей. Она там все делала, деток кормила и готовила, и теперь мы были сыты. Летом я в школу не ходила, работала в колхозе, с девчонками складывала скирды. Подружилась с девочкой Полиной, она меня корову научила доить. Забирались в сарай с ребятами, с Колей, Мишей и Полиной, песни пели на сене. В пруду купались, там еще утки такие красивые плавали. А еще у нас сажали сахарную свеклу, мы ее в печке запекали и ели как конфеты с чаем.

Один раз мама отравилась. Думала, умрет. Все ночь она металась, температура, наверное, была – я не знала, что делать. Врачей нет, помощи нет, мы одни в доме. Бегала, водой ее обтирала, попить давала, выхаживала, и через два дня маме стало лучше.

На полях было много подсолнухов, которые с полей не убрали. Мужчин забрали, и убирать подсолнухи было некому.

За лето мы заработали два мешка пшеницы, смололи их на мельнице. Осенью переехали в Мучкап, чтобы я могла пойти в школу. Стала учиться в восьмом классе, были хорошие отметки. Я была почти отличница. Может, две четверки было, остальные пятерки.

Мама работала на станции Мучкап. Жили в доме, была

печка. Топили ее. С нами жила еще женщина со своей дочкой, с югов она приехала. Муж на фронте, а она жила здесь. Три семьи всего было.

Зимой праздновали Новый год – вдоль железной дороги был небольшой лесок, ёлочки, срезали одну, отмечали.

Я собирала матерные частушки – ничего сейчас не помню. Записывала в тетрадку, а мама нашла и порвала ее.

***

Ольга Степанова online

Люба: Привет, привет. Жизнь моя фиговая. С бабушкой что-то совсем плохо. Позавчера вызывали невропатолога платного, она пришла, диагностировала инсульт. Назначила капельницы. Предложила в больницу, конечно, поехать, только смысл? Я ей мрачно сказала: а что такого сделают в больнице, что не можем сделать мы? Она согласилась. Сказала, что перемена обстановки не так уж хорошо влияет. Да и понятно, какой в больнице уход. Мама колотится, но медсестры из той же платной скорой бегают, капельницы ставят. И Сашуня вроде получше.

Ольга: Пускай поправляется! А то что ж это такое?

Люба: Да ну, ужас. Но сейчас и правда вроде ничего. Капельницы – великое дело. А я сегодня встречалась с Никитой в очередной раз. Нам так больше и не удалось ни разу...

Ну, ты понимаешь. Вот с тех пор. Сидим в каких-то кафе, целуемся, как школьники. На эскалаторе в метро. Взрослые люди... Это не жизнь, конечно.

Ольга: Ну так, может, пора как-то решать вопрос?

Люба: Ну а что решать? Решать надо было раньше. А сейчас куда я со всей этой ситуацией. Вовка хотя бы в теме, помогает, сочувствует. А Никита – прекрасен, конечно, но, если честно и положила руку на сердце, думает только о себе. Я уж не говорю про материальные аспекты. Ты же знаешь, я очень меркантильная. Ну и ко всему прочему, он мне уже все уши прожужжал своей Анечкой, козой этой, я тебе писала про нее – новая сотрудница у них на работе. Анечка то, Анечка се, как она ему глазки строит и на шею вешается. А он, бедный, не знает, что с ней делать. А я слушаю, как дура... А может, и не как.

Ольга: А зачем ты это слушаешь?

Люба: Да у меня всегда какое-то идиотское стремление показать, какая я всепонимающая и всепрощающая. Глупость, конечно. Ну и еще я думаю о том, что врага надо знать в лицо. Или хотя бы иметь представление о его действиях. От этого, правда, совсем не легче.

Ольга: Ну не знаю. Ничего тебе сказать не могу, но лично я вряд ли бы такое выдержала.

Люба: А я пытаюсь. Зачем?

Ольга: Может, это любовь?)))

Люба: Не знаю))))

***

– Мама, привет, ну что, как вы там?

– Люба, бабушке стало получше. Она уже капризничает.

Ах, капельницы долго ставят, и укол этот в... пятую точку... Хи-хи!... Такой болезненный! Это она уже хихикает. На медсестер жалуется. Всю руку, говорит, искололи, и посмотри, какой у меня синяк! И никаких больше сухлых ежиков.

– Ну и слава богу.

– Только я думаю – может, все же надо было ее в больницу?

– И что? Ты же ведь, когда ей стало плохо, вызывала врача из поликлиники?

– Вызывала...

– Ну, и он не пришел, так?

– Не совсем так. Может, он и приходил, только у меня домофон не работал. А дозваниваться он не стал.

– Угу. Теперь я понимаю, почему у нас одиноких стариков спустя две недели находят. Вызвал врача – дверь ему никто не открыл – врач ушел. И привет.

– Как-то так, да...

– Так что насчет больницы я считаю, что все правильно. Мы ей таких же врачей обеспечили, капельницы, уколы. Так что думаю, нормально.

– Ага. Она меня сегодня уже спрашивает, а когда ей на улицу можно. Я орать начала. Что врач ей на две недели прописал постельный режим, и чтобы она даже не думала!

– И правильно. Гулять она собралась. Самое время.

– Я ей так и сказала. Она обиделась. Поеду, говорит, на кладбище.

– Боже. Но, в общем, это говорит о том, что она неплохо себя чувствует.

– Что, мама? Что? Нет, сегодня медсестра уже была. Она еще раз придет завтра. Нет, мама, я не знаю, во сколько. Она обещала позвонить завтра утром. Ох. И вот что я думаю: когда мы все эти капельницы закончим, надо будет снова вызывать врача. Мне понравилась эта невропатолог.

– Да, мне она тоже показалась толковой. И назначения все вроде грамотные.

– По Сашуне видно. Мама, сейчас я закончу разговаривать и все тебе сделаю! Полежи! Нет, она не может лежать. Бегает и бегают. И, главное, ведь забывает – или нарочно? – встанет у меня за спиной и молчит. Я же ее не вижу! Зашибу ведь ненароком. И когда у нее давление тогда поднялось, из-за которого инсульт был – ведь не уговорить лечь! Начинает ходить, что-то делать, суетится, просто ужас какой-то. Мама, я тебе говорю – ляг! Не шатайся по квартире! Тебе доктор запретил!

– Ладно. Иди ее укладывай и давай ей то, что она хотела.

– Да ничего она не хочет. Все ей не так. Хотя после ка-

пельниц вроде получше стала есть. А до этого совсем не хотела ничего.

– Вот иди и корми ее. Целую.

– Целую.

***

Ольга Степанова online

Ольга: Ну что, как бабушка?

Люба: Да слава богу. Доделали Сашуне курс капельниц, врач сегодня приходила. Говорит, все ничего. А главное, она ее память и соображение проверяет. Знаешь, как обычно – какой сегодня день недели, какое число, что вы ели на завтрак? А что вчера ели? А это кто? – показывает на маму. Это моя дочь, отвечает Сашуня. А это кто? А это моя внучка. А я кто? – спрашивает врачаха. – А вы – никто! – без тени сомнения отвечает ей Сашуня. Бедная врачаха опешила. Ну как же, говорит, мы с вами две недели назад виделись, разговаривали. Я вам лекарства назначила. Кто я? – Никто! – Сашуня умеет настоять на своем. Я врачахе говорю: в следующий раз надо в белом халате приходите. Раз вы без халата, да еще и в квартире – то что ж вы хотите? Вот в поликлинике – это врачи! Тетка поржала, слава богу. У нее, как я поняла, у самой то ли мама, то ли бабушка в таком же состоянии. Так что она себе представляет всю красоту.

Ольга: Ой, ржунимагу. Хорошо, что с бабушкой получше.

Ну а ты как?

Люба: Ну и я ничего. Ношусь туда-сюда, то к маме с бабушкой, то на работу, иногда с Никитой встречаюсь. Но что-то не так, подумал Штирлиц.

Ольга: А что не так?

Люба: Я не знаю. Но есть странное ощущение, что эта история близится к концу. Хотя я полна чувств и энергии, а с другой стороны – какие-то мрачные предчувствия. И он со своей этой Анечкой бесконечно... Не знаю.

Ольга: Но о любви говорит?

Люба: Говорит. Понимаешь, был момент, когда можно было все закрутить и порушить. Был. Но, видимо, он прошел. Не знаю только, хорошо это или плохо.

Ольга: Ну а кто знает?

Люба: Никто не знает. Поживем-увидим. Знаешь, странное такое состояние... Когда я была маленькой, отец рассказывал мне много разных историй. И вот вчера я почему-то вспомнила одну, всем известную. Про мальчика из Спарты. Который подобрал лисенка, сунул его себе за пазуху и виду не показывал, пока лисенок грыз ему внутренности. Я почему-то сейчас себе напоминаю того мальчика из Спарты. Меня грызет, грызет изнутри, а я хожу, улыбаюсь, решаю какие-то вопросы, больницы, капельницы, Никита, Вова, Ленка, мама, и виду не показываю. Должен же кто-то этим заниматься. До сих пор не понимаю, зачем отец мне это рассказывал? Где я, а где Спарта. Но засело в башке, а лисенок

грызет и грызет...

Ольга: Ну ты даешь. Все наладится. Так или иначе. Вот увидишь.

Люба: Будем надеяться...

***

Дорогие мои родные, женушка, доченька и отец. Пишу Вам может быть в последний раз. Как видно по всем признакам нас всех сегодня отправят на фронт куда не известно. Если буду жив то напишу, а если нет так значит уж моя такова судьба. Целую крепко крепко всех. Будьте здоровы мужайтесь, берегите себя. А пока прощайте. Остаюсь любящий Вас Ф. Ивановский.

12 сентября 1941 года

***

Дед умер в начале войны.

Папа ушел на фронт добровольцем от своего завода. Мы с мамой провожали его чуть не до самой линии фронта, мама все бежала за ним – они уходили на фронт в опорках, без оружия, в своих сапогах... и погиб под Ленинградом.

Я уехала на Удельную к тете Тоне, а мама работала на "Светлане", на заводе.

В Новый год умер дядя Костя, муж тёти Тони. Работал на

Васильевском острове, пришел домой и умер. Хоронили – было большое кладбище, были окопы канавные, его привезли на санках и сбросили. Еще был мамин брат, дядя Коля. Не был на войне, был больной, поэтому и умер. Хоронили его. Везли на Скобелевский проспект к железной дороге, там сбрасывали всех покойников.

Мамин начальник сказал: "Зоя, надо уезжать!" С мамино-го завода все ехали, но мама с ними не поехала. 8 марта мы уехали с дяди Колиной женой Варварой и Ирккой. Доехали до Финляндского вокзала и там в эшелон сели. И через Ладожское озеро перебрались на другую сторону. Была страшная погода, 40 градусов мороза. Немцы летали, куда попадет – вода там и машины тонули. Одна машина прямо рядом с нами под воду ушла, но мы как-то проехали. Переехали озеро. Там нам дали немного хлеба и шоколадки. Есть-то нечего было. Там эшелон. Вагоны были... теплушки. Сели с мамой и с Ирккой. И поехали в Тамбовскую область – там жил дядька Варвары. Вначале ехали до Вологды, где мама и тетя Варя чуть меня и Иррку не потеряли. Остановились на станции, мамы наши вышли, чтобы тряпки поменять, и вдруг поезд пошел. Мамы еле добежали, искали нас по вагонам. Потом на Ярославль, дальше на Мичуринск и Тамбов. Потом пересели на поезд в Балашов, и из него уже вышли на станции Мучкап. И уже от Мучкапа на телеге двадцать километров до колхоза "Победа", где жил дядька тети Вари.

***

– Все, я доехала.

– Что так долго?

– В магазин еще заходила. У меня ж эти, оглоеды. Вовка и Ленка все время что-то жрать хотят. Мама, купи вкусненького. Вот я и зашла в магазин, конфет каких-то купила. Мне понравилось, что врач сегодня сказала.

– Да мне и врач сама снова понравилась. И то, что она сказала через полгода капельницы повторить. Мы и повторим. Только мама жалуется, что у нее за грудиной болит все время. И я не понимаю, что это – сердце или действительно изжога. Надо бы ей еще и кардиолога вызвать.

– Ну, с невропатологом покончили – можно и кардиолога.

– Главное, чтобы она до этого в поликлинику не рванула. А то она уже рвется. То ли к лору, то ли к терапевту. Сама не знает, чего хочет. А потом они ведь ей назначат какие-нибудь лекарства, она помчится в аптеку их покупать, а они уже либо дома есть, либо не нужны вовсе.

– Скажи ей, что врач запретила в поликлинику ходить. Только гулять на свежем воздухе.

– Так я так и говорю! Но она все равно хочет в поликлинику.

– Ну пусть еще хотя бы недельку подождет. А то потом же мы замучаемся ее от этих врачебных назначений отговаривать. И вот я не понимаю – она ведь была у врача неза-

долго до своего инсульта. Неужели врач ничего не заметил? Неужели не обратил внимания на ее состояние, оно ведь уже в тот день, как я понимаю, было не супер?

– Да она замучила их уже своими визитами. Приходит – и ведь не говорит, что у нее болит на самом деле. Только про голову свою больную говорит. Как врач может разобраться?

– Вопросы надо задавать. И ответы слушать. Ладно, у меня Вовка пришел, пойду я все же ужин готовить. Целую.

– Целую.

***

– Привет. Ну что хорошего?

– Да все отлично. Сашуня вроде ничего, ходила сегодня погулять. Посидела на скамейке около парадной, поболтала с соседом нашим, Петром Степановичем. Разговаривать с ним, конечно, невозможно, он глухой совершенно, но как-то они коммуницировали. И погода вроде была приличная.

– Да, погода ничего. Даже тепло было. А у тебя что?

– Ты удивишься, но я почему-то последнее время думаю о вопросах морали. Про моральное и аморальное. Что есть моральное и что есть аморальное.

– Что вдруг? Почему?

– Ну вот смотри. Бабушка Зоя была аморальна.

– Что за глупости? Почему?

– Да потому, что она переспала ведь с каким-то своим на-

чальником, отправив мужа на фронт.

– Категорические глупости. Она это сделала, чтобы уехать из блокадного Ленинграда и спасти своего ребенка. Я вообще считаю, что категории моральности-аморальности тут не применимы.

– Ты думаешь?

– Да я совершенно в этом уверена. Как и в том, что никакой морали не существует. А это, знаешь, как религия – ее придумали, чтобы управлять народом. Народ ведь не знает, что хорошо, а что плохо. И тут – бац! – вот тебе мораль. Получи, фашист, гранату.

– Ну а как же общечеловеческие принципы? Ценности гуманизма?

– Это же другой вопрос. Ты можешь их принимать, можешь их не принимать. Но мораль уж тут точно ни при чем. Я вот совершенно аморальна, и я четко это знаю.

– Почему это?

– Да потому что "уже прелюбодействовал с нею в сердце своем". Вот почему. И не вижу в этом ничего плохого.

– Ну а как же верность?

– Фигня. И твоя идея, что всегда надо говорить правду – тоже фигня.

– Ну уж нет. Я так всегда считала и буду считать.

– Да это бредни моего папаша. Только вот с течением времени я думаю – а много ли он сам говорил правды? Или это тоже было из области морали? Для других, но не для себя?

– Ты отца своего не трогай. Он прекрасный человек. Хотя и алкаш.

– Вот-вот. Не вынес груза правды, ага. И ушел в амораль.

– Не смей меня.

– Да я и не смешу. Я просто считаю, что ерунда это все. И мы сами выбираем, что для нас морально, а что – нет. Аморально кошек на улицу выбрасывать. А все остальное – вполне себе. И зависит от контекста. Так что, возвращаясь к бабушке Зое, я считаю, что она абсолютно моральна.

– Мне надо об этом подумать. Но я вряд ли изменю свою точку зрения.

– Да и не меняй. Бог с ней, с твоей точкой зрения. Главное, что Сашуне стало лучше, и тут мы сделали все настолько морально, насколько смогли. Целую.

– Целую.

***

Ольга Степанова online

Ольга: Я тут вот что подумала, насчет развода. Мне кажется, мужики не разводятся. У меня есть одна знакомая, так она развелась. Нашла себе какого-то таджика – двор у них убирал. Молодой, красивый, заботливый. Плюнула на все и развелась. Муж потом офигевал – весь двор знал, все окрестные таджики знали, все наблюдали, как они шашни крутят – но никто ему ничего не сказал. А у них двое детей... но это

ее не остановило. Она ушла.

А мужик бы не ушел. То есть такие существуют, конечно, но чисто теоретически. Я о таких не слышала. Только женщина, когда ей все надоедает или опостылело, разводится. Мужики – нет. Так что ты смотри, не торопись. Не остаться бы у разбитого корыта.

Люба: Да вот я и не тороплюсь. Думаю. Странные это все истории. Сегодня договорились встретиться, ну просто кофе выпить. Я стою, его жду. Пять минут, десять минут. А ведь он обычно не опаздывает – что меня, в частности, в нем и подкупило. Знаешь, бывают мужики – договорилась с ним встретиться, ждешь его потом на свидании двадцать минут или полчаса – как красну девицу. А Никита – всегда раньше приходил. Я ж тоже на всю голову больная – прихожу раньше. Нормальные женщины на свидания опаздывают. А я раньше прихожу. Но суть не в этом.

Звоню я ему через двадцать минут, он трубку снимает, говорит "привет. Прости, я проспал". А голос такой, что мне показалось, что он вообще забыл о нашей встрече. И я прям в печали такая оттуда ушла – а ведь дома сказала, что вернусь поздно. Пришлось шляться по магазинам до полного одурения. Надо ж подтверждать легенду.

А ты говоришь – разводиться. Я еще стопицот раз подумаю, прежде чем разводиться. Да и вообще я, может, уже не собираюсь этого делать. Хотя и надо бы. И совсем не из-за Никиты, а по другим причинам.

Ольга: Не гони лошадей. Чем тебе плохо? Вовка тебя любит. Делает, что может.

Люба: Это он в своем понимании делает, что может. Хотя вот сейчас с Сашуней помогал как-то, даже на машине туда меня возил. Зачем человеку машина, спрашивается, если он на ней не ездит?

Ольга: Ну, это вопрос не ко мне))))

Люба: Это да. А Вовку об этом спрашивать бесполезно. А с Никитой договорились встретиться через неделю. Раньше мы как-то чаще встречались... Ладно. Не хочу об этом ни думать, ни говорить. Спокойной ночи)))

Ольга: Не переживай. Спокойной ночи!

***

Не может человек проспать свидание, которое ему дорого. Что-то не складывается в моей голове. И лисенок этот грызет меня и грызет с утроенной силой. Потому что зачем все это было? Любви есть оправдание, когда это любовь. Черт. Не любви, сексу. Сексу есть оправдание, когда это любовь. А если это не любовь? А если это просто секс? Это аморально? Или зря я доказывала мамочке свою аморальность?

Я понимаю, что из одного ничтожного факта я раздуваю черт знает что. Делаю из мухи слона. Но ведь если я загляну в себя, вовнутрь, все глубже и глубже – то я знаю правду. Я не хочу ее видеть, я не хочу ее знать, потому я всегда и

выступаю против знания правды, потому что я не хочу этого знания, но от него же не деться никуда. Кишки уже выгрызены, вываливаются наполовину из живота, но я еще пока живая и шевелюсь. И я не хочу знать правду, потому что это слишком больно. Лисенок наматывает кишки себе на морду и вытягивает их, чтобы было удобнее есть. Метр за метром, сантиметр за сантиметром.

Мы увидимся через неделю. Хотели через пару дней, но у него не получается. Он не может. Раньше он всегда мог. Но я должна его увидеть. Потому что, когда я его увижу, я узнаю эту правду. Хоть я и не хочу ее знать.

***

А до войны жили очень хорошо. И папа, и мама, и бабушка – папин отец. Бабушка умерла раньше, у нее эпилепсия была.

Училась в школе, семь классов закончила, 14 лет. Занималась музыкой, ходила к учительнице. Поступала в музыкальную школу и прошла. Война началась – все закончилось. И танцами занималась. Я танцевала. И даже из балета «Лебединое озеро» выступала. У нас был хороший учитель танцев.

Ира моя, подруга, занималась в параллельном классе. Дружили с ней. Она осталась в Ленинграде. Ее мама работала на Финляндском вокзале, шила.

Папа мой работал, а еще пел. Пел хорошо, выступал даже,

занимался с учительницей. Оперный певец был, тенор.

А вот дедушка гулял, другой раз выпивал. Работал у Невы в сарае каком-то, чего-то караулил. Гулял с собакой, была собака – сеттер. Рыжая такая собака. И кот был. Дедушка хорошо готовил, борщ, щи – мы с удовольствием ели. И жила у нас еще одна жиличка – квартира трехкомнатная была. Мы ее звали Кукарача – пьяница баба была. Еще нога у нее больная, все деда соблазняла выпить. Я была девчонкой, прихожу: они сидят в маленькой комнате, и Кукарача деда напоила. Я так разозлилась! Кукараче надела на башку скорородку, а деда отвела в комнату.

А жили мы на четвертом этаже, и я с лестницы спускалась на перилах.

Хорошо жили до войны.

***

Никита просто перестал писать и звонить. Понятно, что трусость – самый худший из пороков. Но я никогда не думала, что это настолько правда. И тут – странное дело! – я просто уверена, что он испугался. Вот несмотря на всю свою мужественность, смелость и красоту. Пройти ночью по улице, встретиться с гопотой, не отдать кошелек или защитить любимую женщину – это не проблема. Тут трусость другого рода. Человек боится изменить ему же самому опротивевшую жизнь. Боится, потому что хорошо известно, знакомое

старое теплее и ближе, чем это неизвестное новое, которое еще непонятно, выйдет или нет, получится или нет. Лучше прожить остаток жизни с нелюбимой женой, называть тещу мамой, чем променять это на что-то другое. А ведь я была готова все бросить. Была. Возможно, дело было в сексе – ну и что? Я все же считаю, что рискнуть стоило. А он – побоялся. Струсил.

Жаль.

***

– Мама? Мама? Алло?

– Люба.

– Мама, что случилось?

– Бабушка умерла.

– Как? Когда?

– Люба, я сейчас встала, проснулась, а она не дышит. Люба...

– Ты скорую вызвала?

– Да вызвала. Они приедут. Только не знаю, когда. Я им сказала, что уже все.

– Мама, я сейчас одеваюсь и приезжаю. Скоро буду.

– Жду.

***

Люба: Вчера умерла Сашуня. Я вчера просто не могла ни о чем писать и говорить тоже не могла.

Ольга: Как умерла? Ей же было лучше?

Люба: Видимо, второй инсульт. Или я не знаю что. Мама мне утром позвонила – говорит, проснулась, а Сашуня не дышит. Она скорую вызвала, все, что положено. Я к ней помчалась тут же. Врачи, справки, какая-то беготня ненужная, или нужная, помчалась деньги снимать со всех книжек, ты представляешь себе. С мамой – нормально, а как выхожу за порог – начинаю рыдать. Просто кошмар.

Ольга: Очень тебе сочувствую.

Люба: А главное – даже еще не знаю, когда похороны. Должны делать вскрытие, после этого только можно назначать дату. Когда, где... Не знаю. Надо это как-то пережить. Мама мучается, что надо было Сашуню в больницу отправлять тогда. А смысл? я пытаюсь ее как-то утешить и успокоить, ведь возраст у Сашуни был уже слава богу, 85 лет, не маленький.

Ольга: Тебе надо чем-нибудь помочь?

Люба: Да нет пока. Мне Вовка помогает, с работы отпросился, бегает вместе со мной зачем-то. С другой стороны – поддержка. И приходишь во все эти конторы – а вы кто? А я внучка. А почему не дочка? Блин. Ваше какое дело, кто пришел? Кто смог, тот и пришел. Хотя я зря на них наезжаю.

Они, в общем, очень любезные и входят в ситуацию. Видимо, это профессиональное. Ладно, пойду я спать. На ногах уже еле стою, рожа опухшая, глаза красные. Хочется сказать – краше в гроб кладут, но не буду. Хорошо хоть, на работе тоже с пониманием отнеслись. Отпустили без проблем. Сказали, пока не решишь все. Спокойной ночи.

Ольга: Спокойной ночи.

***

Я не хочу умирать, мама. Я не хочу жить вечно, но я не хочу умирать. Не сейчас. Не в это время. Еще столько неделанных дел, незаконченных, даже не начатых. Умирать страшно, мама. И одиноко. Смерть – дело одинокое. Это крутится у меня в голове, и крутится, и крутится, и я понимаю, что это правда. Что настает момент, когда ты остаешься со смертью один на один, только ты, она и больше никого. Кто бы ни был вокруг. Она и в жизни всегда здесь, со мной, она стоит за левым плечом и ждет. Терпеливая. Человек смертен и иногда внезапно смертен. К этому невозможно быть готовым, но... Мне страшно, мама. Помнишь, в детстве? Когда снится страшный сон – добежать, прижаться, заплакать. Этого хочется, хочется невыносимо, сколько бы лет мне ни было. Объятия, тишина и безопасность. Позже уже не получается, позже уже ты взрослая, и кто обнимет тебя? Кто спасет тебя от того страшного, что есть в мире? И ты остаешься один на один с этим миром и со смертью, которая стоит

за левым плечом и ждет, чтобы обнять тебя. Ведь когда ты умер, ничего уже не страшно, мама. Правда?

***

Ольга Степанова online

Люба: Привет. Похороны завтра, в два часа, Никольская церковь. Приходи. Будет отпевание, а потом на кладбище поедем. Туда же, где дед.

Ольга: Приду.

Люба: До завтра.

Ольга: До завтра.

***

– Люба, я звоню спросить – скоро ведь сорок дней? Что мы будем делать?

– Ну как что. Все, что положено, и будем делать. Вопрос только – где лучше? У меня, наверное, надо делать.

– Сколько народу-то будет? Или мы никого не зовем?

– Ну сколько. Я, ты, Иваныч... А кто еще?

– Ну я не знаю. Может, соседей каких бывших надо позвать, или кто из родственников хочет.

– Надо позвонить всем...

– Ты же позвонишь?

– Ну да, позвоню, уточню.

– Ну давай. А когда выясним, сколько народу – тогда и решим, что делать. У нас же время еще есть.

– Мало совсем времени остается.

– Разберемся. Целую.

– Целую.

– Пока.

***

Ольга Степанова online

Люба: Оля, спасибо тебе за все. Ты меня очень поддерживала, поддерживаешь и, надеюсь, будешь поддерживать.

Ольга: Да, собственно, не за что. Всегда готова, тсзть. Случилось что?

Люба: Да ничего не случилось. Никита пропал. Вот тогда я тебе писала, что он свидание проспал, и он с тех пор исчез. Уже больше месяца. Впрочем, я его вижу онлайн, так что, видимо, жив-здоров.

Ольга: И? Ты не хочешь ему позвонить и выяснить, что случилось?

Люба: Не хочу. Слишком много всего произошло. И то, что он исчез... Ну к черту. Хотя, конечно, я бы с ним увиделась. Просто понять. Хотя чего там понимать? Я и сама все знаю.

Ольга: Понимаю. Ну подожди. Может, и проявится как-

нибудь.

Люба: Да. Может, и проявится. Не знаю.

***

– Привет!

– Привет!

– Как дела?

– Дела нормально. Ты не писал и не звонил мне почти два месяца, хотя мы с тобой договаривались встретиться. Ты ничего не хочешь мне сказать?

– Я не хочу писать. Может, встретимся?

– Ну давай встретимся. Где, когда?

– Завтра или послезавтра. Где обычно.

– Во сколько?

– Ты можешь завтра в шесть?

– Могу. Договорились.

– ОК.

***

– Оля, привет, ты где сейчас?

– Я с работы ползу. Что случилось?

– Ничего. Все в порядке. Я с Никитой встречалась.

– Аааа...

– Ты в каком районе? Около Невского?

– Ну да.

– Давай я к тебе сейчас подойду. Я около Михайловского, но я сейчас развернусь.

– Конечно. Давай. Где встретимся?

– Давай в том маленьком кафе, где обычно. Там народу немного.

– Хорошо.

– Я там буду через полчаса.

– Ну и я где-то так же.

– Договорились.

– Договорились.

***

10 пропущенных вызовов от абонента ВОВА

– Вова, привет! Ты звонил. Что случилось?

– Я тебе двадцать раз звонил, не мог дозвониться. Ты где?

– Я с Олей кофе пью. Извини, забыла включить звук.

– Мама сломала ногу. Я сейчас в больнице, в приемном покое. Приезжай. Святого Николая, знаешь, где?

– Да, знаю, конечно. Доеду – позвоню. Выезжаю.

***

Люба: Оля, спасибо за вчерашнее. Мне казалось, что я содохну, хоть и время уже прошло. Но так мне хотелось расставить все точки над и. Расставила. Спасибо тебе еще раз.

Ольга: Да не за что. Обращайся))) Что со свекровью-то?

Люба: Что... Свекровь сломала бедро. Теперь у меня новая головная боль. Пока она в больнице, но там же надо кучу всего. Врачи говорят операцию надо делать, пластину вставлять, как она потом ходить будет? И будет ли? Так что про всякую ерунду типа разводов можно забыть теперь совсем. Никуда я не денусь. Да теперь уже и незачем. Все это такая ерунда, эти романы, любви. Но больно ведь, все равно больно.

Ладно. Понеслась я в сторону больницы, вещи всякие надо привезти – вчера ничего не собрали, не успели.

Ольга: А Вовка как?

Люба: Ну как. Переживает, ясное дело. Его перспектива жить с мамочкой в ближайшее время тоже не радует.

Ольга: А где она будет?

Люба: Ну где, отгадай с трех раз. У нас, конечно. Я же не буду ездить к ней на квартиру, чтобы за ней ухаживать. Так что будет у нас... Страшно представить.

Ольга: Да ладно, не так все страшно. Наверное. Привыкнете.

Люба: Ты, я смотрю, оптимист.

Ольга: О да.

Люба: Ладно, я понеслась.

Ольга: Вовке привет.

Люба: Хорошо.

***

Никогда мой папа не простил мне того, что было на суде. И потом, когда я приезжала его навестить, и потом, когда я приезжала к нему с маленькой Любкой, он принимал нас холодно. Он не простил.

Спустя три года после того, как я привозила к нему Любу, до меня дошло, что надо поехать и попросить у него прощения. И я решила, что сделаю это в его день рождения. Я так была рада, что наконец я, тридцатилетняя тетка, догадалась, что надо просить прощения. Но прощения не было. Мой папа умер за девять дней до того, как ему должно было исполниться шестьдесят пять лет. А дня за три-четыре до своей смерти он звонил моей тетке, маминой двоюродной сестре, и сказал ей: "Нет у меня дочки!"

Что надо сделать, чтобы получить прощение? Или надо с этим жить? Я с этим живу, и недавно мне приснился мой папа в белых одеждах: белые брюки, белая рубашка. Я проходила мимо каких-то парней, которые готовы были за мной увязаться. А когда оглянулась, то увидела, что мой папа идет следом за мной. Он был очень красив, мой отец. И во сне он был очень красивым. Может быть, он все-таки меня про-

стил?

***

Ольга Степанова online

Люба: Оль, я вдруг вспомнила. Я ведь со всеми этими своими делами совсем забыла тебя спросить. Как твоё свидание-то? Состоялось? Ну, с этим, одноклассником?

Ольга: Лучше не спрашивай. Я тебе все при личной встрече расскажу.

Люба: Что, все так плохо?

Ольга: Да не так чтобы плохо. В ресторан ходили, поели, букет цветов на столе, все как надо.

Люба: Ну хорошо, ты вот с подарком мучилась, а он-то тебе что привез из Израиля?

Ольга: Ооооо... Он привез мне из Израиля связку свечей из Иерусалима. Такое вот кольцо с бриллиантом получилось.

Люба: Нет слов.

Ольга: И теперь я думаю, что мне с этими свечами делать.

Люба: Гусары, как ты понимаешь, молчат.

Ольга: Это единственная мысль, которая пришла мне в голову.

Люба: Понимаю.

Ольга: А главное, он ведь потом захочет со мной снова встретиться.

Люба: В этом-то я не сомневаюсь)))

Ольга: И я)))

***

Я же говорила, что мой папа работал в Эрмитаже? И я вместе с ним гуляла по залам со своим медведем Лешкой, и смотрела на картины – но как смотрит ребенок, не замирая и не понимая. С тех я не могу ходить в Эрмитаж. Мне кажется, что там все не то и не так, картины поддельные, а интерьеры фальшивые. Я не замираю перед картинами и пресловутые мурашки не бегут по моей спине, даже от Рубенса. Папа мне писал во Псков, когда Данаю облили кислотой. Это была страшная трагедия для него – я по малости лет не понимала ее масштабов. Теперь, когда мне все же доводится зайти в Эрмитаж, я понимаю. Я все думаю, что реставрация что-то убивает в произведениях искусства. Или они действительно уже не те, а подлинники давно утеряны и проданы? Не знаю.

Папа водил меня на экскурсию в «Золотую кладовую». У нас дома был альбом со скифским золотом, и я его подолгу рассматривала. Листы формата А4, прекрасный золотой скифский олень. Как я удивилась, когда увидела, что на самом деле он совсем маленький, и его можно рассмотреть только сквозь лупу, вмонтированную в музейную витрину.

Папа как-то записал меня на экскурсию посмотреть павлина. Эрмитажные часы-павлин. Часы заводят, петух кука-

рекает, павлин раскрывает клюв. Дорогая механическая игрушка, так и хочется сказать – подарок японского императора. Нас долго водили по залам, что-то рассказывали, а потом привели к павлину. В огромном зале, под стеклянным колпаком стоял павлин. Прекрасный, сверкающий, золотой. Он поразил меня в самое сердце. Стоит неподвижно, а потом – раз! – и двигается. Вначале вращается сова в клетке, потом павлин начинает раскрывать свой золотой хвост. Медленно, завораживающе. Перо за пером, постепенно хвост открывает все свое великолепие. Павлин раскрывает клюв, поворачивается спиной, сзади хвост уже не золотой, а серебряный, павлин разворачивается обратно, складывает хвост. Все застывает. Мастер завел часы и ушел. Волшебство закончилось.

***

– Вова, привет! У меня есть идея. Нам надо съездить в строительный магазин и купить ручки.

– Какие ручки?

– Ну такие ручки... В туалет. Как в больнице. Планируй – в воскресенье поедem.